

ВЫЖИВШАЯ

ЛАРИ ЛИС

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лари Лис

Выжившая

«Автор»

2026

Лис Л.

Выжившая / Л. Лис — «Автор», 2026

Отправившись в свой первый поход, Саша думала, что самое сложное это дорога, перевал, усталость, от которой ломит все тело. А самое страшное - бесконечный дождь, селевой поток и отрезанная от цивилизации группа. Потому что куда хуже понять, что мир больше не принадлежит людям. Что рядом есть те, для кого человек - лишь еда. Она должна была умереть в тайге. Но её находит тот, кто должен был стать последним, кого она увидит.

© Лис Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Выжившая

Глава

Пролог

Август 2026

Солнце уже ушло за хребет, но небо ещё держало его тепло — тонкое, ускользающее, как последняя мысль перед сном. Свет цеплялся за вершины, скользил по острым скалам и задерживался на них, будто не решался отпустить. Горы стояли неподвижно, строгие, чужие, и в этом спокойствии чувствовалась древность — такая, перед которой человеческая жизнь казалась случайностью. Ниже, у подножия, сгущалась тень. Тайга поднималась плотной стеной, тёмной, глубокой, почти непроницаемой. Ели стояли вплотную друг к другу, как если бы берегли какую-то общую тайну. Внутри леса уже не было света — только глухая, вязкая тишина, в которой терялись звуки и время.

Река жила своей жизнью. Она неслась по камням, холодная и быстрая, разбиваясь о валуны, вспениваясь, шумя — упрямо, настойчиво, словно не признавая ни гор, ни леса, ни самого вечера. Вода была прозрачной и жёсткой, как стекло, и в её движении не было ни мягкости, ни покоя. Это место не менялось. Оно было здесь до людей. Оно останется, когда их не станет.

И сейчас — в этот тихий, почти неподвижный вечер — в нём остался только один человек. На перекошенной, потемневшей от времени скамейке, вбитой когда-то в каменистый берег, сидела девушка. Она казалась слишком маленькой для этого пространства. Слишком живой — для этой неподвижности. Невысокая, с тонким лицом, она сидела, ссутулившись, уставившись куда-то перед собой, но не видя ни реки, ни гор, ни леса. Русые волосы, выгоревшие и почти белые на концах, были собраны в высокий хвост, небрежно, как у человека, которому давно уже всё равно, как он выглядит. Её тело было другим. Сухое, сильное, с отчётливо проступающими мышцами — не от спорта, а от выживания. Эти плечи помнили тяжесть дров. Эти руки знали холод воды, камень, нож, кровь. Это тело прожило здесь целый год. Год в месте, куда люди приходили на неделю. Её глаза были слишком яркими для этого вечера — холодно-голубые, почти прозрачные, с редкими тёплыми вкраплениями, будто кто-то случайно оставил в них след другого мира. Сейчас опухшие и красные от слез. Красный нос и еще более красные губы, которые в следующее мгновение плотно сомкнулись, задрожали. Задрожал подбородок, губы искривились и девушка зарыдала, громко и протяжно..

Где-то внизу шумела река. В лесу шевелился ветер. Горы молчали. А она сидела одна. Ещё несколько дней назад здесь были люди. Голоса. Шаги. Жизнь — пусть странная, сломанная, но всё-таки жизнь. Они ушли из мира, где люди — переставали быть людьми. Они научились жить здесь, вдали от всего этого. Научились не думать о том, что осталось там, за горами. Научились выживать. Но это не спасло их.

Глава 1

Март 2024. Москва.

- Саша, ты точно уверена, что тебе это надо? - Катя недоуменно смотрела на меня.

- Да, я не могу этого объяснить, но меня просто тянет.

- Куда? В Тайгу? - подруга фыркнула.

- Катя, еще раз повторю, я хочу туда съездить! Если ты не хочешь составлять мне компанию, не надо. Но в отпуск я поеду в Шадан гол,- я начала злиться и остановила беговую дорожку.

- Я думала, летом мы в Тай рванем или в Китай,- девушка так же остановилась.

- Мы обязательно слетаем, но потом. Я же не зря выматываю себя в тренажерке, чтобы пройти такой поход.

- Поход,- Катя опять скривилась.- Ты в палатке хоть раз в жизни ночевала? Ты же с голода там умрешь, тебя медведь съест,- мы дружно рассмеялись.

- Я же организованным туром иду, там все помогут, а готовят инструктора. И не отговаривай меня! А на сегодня хватит, пошли в душ,- и направились в сторону раздевалки.

Меня зовут Алесандра Гром или для друзей Алеса, или Саша, я работаю обычным риелтором в столице нашей родины. Не самая тяжелая работа, если не считать людей. Серьезные сделки мне, конечно, не доверяют – я в отделе аренды. Показываю квартиры, улыбаюсь, киваю, слушая чужие истории и делаю вид, что мне правда интересно, почему они разводятся или срочно съезжают.

В конце января, при осмотре одной из квартир, я увидела фотообои во всю стену. Хозяин мельком обмолвился, что это его личное фото, которое он сделал в Сибири, в далекой тайге. Но именно эта картинка запала в душу. Снимок сделан с вершины перевала, зеленая долина, по бокам которой раскинулись горы. Острые пики напоминали огромного дракона. Кое-где виднелся снег, а внизу синее озеро, почти идеальной формы, как сердце.

Спустя пару дней все закладки домашнего ноутбука были заполнены информацией о Шадан -Голе. Уникальном месте на земле, за пять тысяч километров от Москвы, в глубокой тайге. Еще через две недели, я точно знала, куда отправлюсь летом. Информации в интернете было много. Шадан -Гол- долина тысячи источников, так гласил главный лозунг этого места. На небольшом клочке земли, где шумит горная река Шадан и возвышаются вековые голыцы, есть минеральные источники, которых более ста штук. Радоновые и грязевые ванны, минеральная вода холодная и горячая из под земли бесплатно и в неограниченном количестве. НО, чтобы попасть в это удивительное место, необходимо пройти 60 километров горной дороги. Болото, грязи, перевал, курумники, о существовании двух последних слов я даже не подозревала. Но необъяснимое чувство, словно от этого зависит моя жизнь, тянула. Меня не пугает отсутствие любой связи, тяжелый рюкзак, стертые ноги и неопытность.

В свои двадцать шесть лет, я имела высшее экономическое образование. Двухкомнатную квартиру на Дмитровской, которая осталась в наследство после смерти родителей в автомобильной аварии. Неплохую работу, чувство юмора и оптимизм. С мужчинами серьезно не клеилось. Несколько неудачных романов и пара тройка интрижек. Я невысокая, стройная, блондинка – в общем внешность у меня вполне обычная. Если не считать глаз. Они слишком светлые, как небо на рассвете летом, чистое, почти прозрачное, холодно-голубое. И в это голубом – мелкие теплые вкрапления, будто кто-то случайно капнул коричневой краской. Люди иногда смотрят дольше, чем нужно, говорят, что это красиво.

В начале марта я начала искать, с кем вообще можно туда попасть. Туристических фирм, которые водят группы на Шодан-Гол, оказалось достаточно — особенно в Иркутске. За деньги тебя могли доставить туда на вертолёте, чуть ли не с комфортом: рюкзак нести не надо, идти тоже особо не надо. Просто прилетел — и ты уже в этой самой долине. Правда, ценник начинался от суммы с пятью нулями. Меня это быстро отрезвило. Я решила, что пойду как все нормальные люди — пешком. Взяла отпуск на начало июля успокоилась, решив, что у меня ещё полно времени всё организовать. Как оказалось — не совсем.

В начале мая я случайно наткнулась на форум, посвящённый Шодан-Голу. Листала темы, читала чужие отчёты, фотографии и зависла в одной из веток. «Идём на Шодан, присоединяйтесь. Возьмём новичков». Тему создала девушка по имени Вика. Я написала ей скорее из любопытства — спросила про еду. Не хотелось тащить на себе лишнее, а ещё меньше — питаться чем попало. Вика ответила почти сразу. Оказалось, у них в группе есть повар, который чуть ли не горит желанием готовить в походных условиях. Это звучало подозрительно хорошо. Мы разговорились. Сначала в переписке, потом созвонились по видеосвязи — и как-то незаметно

проболтали несколько часов. Она оказалась нормальной. Без лишнего пафоса, без этого походного фанатизма, от которого обычно хочется закрыть вкладку. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что уже всё решила. Билеты в Иркутск я купила в тот же вечер, на июль.

Май прошёл в каком-то странном режиме. Я ездила по спортивным магазинам, примеряла, шупала, сравнивала, снова сомневалась. Вика прислала мне список — двадцать две позиции. Ничего лишнего. Потому что всё лишнее потом придётся нести на себе.

Одежда. Обувь. Спальный мешок. Коврик. Рюкзак. Кружка. Ложка.

Я никогда раньше не думала, что можно так долго выбирать кружку. Вика пообещала, что место в палатке для меня найдётся — свою покупать не придётся. Это уже было маленьким облегчением. От меня требовалось только одно — привезти сублимированные вкусняшки. Оказалось, достать их проще всего именно в Москве.

Июль 2024.

— Подруга, ты мне пиши, - мы с Катей стояли в аэропорту у терминала.

— Я уже завтра без связи буду, но через две недели ты будешь первая, кому я напишу, - заверила ее.

- Ой, страшно мне тебя отпускать, в мире такое твориться.

- Кать, в мире каждый день что-то твориться, ну подумаешь неадекватны какие-то нападают на людей, так это же у них, - я мотнула головой в сторону.

- Ага в Твери, мужик на женщину напал и укусил, читала сегодня.

- У-у-у зомби, - я вытащила руки вперед и мы рассмеялись.

- Как долечу отзвонюсь, - я крепка сжала подругу и отпустив двинулась к стойке регистрации.

- Медведя там не подцепи, - крикнула Катерина.

- На это и рассчитано, - я загадочно улыбнулась.

Я до последнего не верила, что это происходит со мной. Даже когда уже прошла регистрацию, сдала багаж и села у выхода на посадку, всё казалось каким-то ненастоящим. Как будто я просто смотрю фильм про кого-то другого. Про девушку, которая решила сорваться и улететь чёрт знает куда. Посадку объявили спокойно, без спешки. Люди вокруг встали, потянулись к своим сумкам, кто-то зевал, кто-то листал телефон. Обычный рейс. Обычный день. Только не у меня. Когда я заняла своё место у окна и пристегнулась, сердце уже стучало быстрее, чем нужно. Я поймала себя на том, что улыбаюсь — просто так, без причины. Боже. Ещё каких-то шесть часов — и я буду в Иркутске. Я буду в Иркутске.! Эта мысль крутилась в голове по кругу, как заевшая пластинка, и от неё становилось одновременно легче и страшнее.

Самолёт начал движение, медленно, почти лениво вырубивая на взлётную полосу. Я уставилась в иллюминатор, хотя там не было ничего интересного — бетон, огни, другие самолёты. И вдруг накрыло. Через шесть часов я окажусь за пять тысяч километров от дома. Без привычной жизни. Без связи. Без интернета. В лесу. С людьми, которых я знаю всего пару недель.

— Ты вообще нормальная?.. — мелькнуло где-то на границе сознания.

Я тихо усмехнулась. Наверное, нет. Самолёт резко ускорился, и мысль оборвалась сама собой. Тело вжалось в кресло, и в этот момент стало уже не до анализа. Я просто чувствовала. Как внутри всё сжимается — и тут же расправляется. Как страх переплетается с каким-то странным, почти детским восторгом. Как будто я делаю что-то впервые в жизни. Когда самолёт оторвался от земли, я выдохнула — даже не заметила, что всё это время почти не дышала. И только тогда до меня по-настоящему дошло:

Я действительно лечу. Не «собираюсь», не «планирую», не «когда-нибудь потом». Прямо сейчас, в неизвестность. И, чёрт возьми, мне это нравилось.

Иркутск встретил ясным небом и теплым утром. Самолет прибыл в 6 утра местного времени и встретить меня должна Виктория. Сердце готово было выпрыгнуть из груди и станцевать чечетку в автобусе, который вез от трапа до здания аэропорта. «Вдруг не приедет? Вдруг

обманула?»- паника нарастала с каждой секундой и рассеялась в один миг, когда увидела знакомый белый ежик.

Она стояла чуть в стороне от выхода, не суетилась, не высматривала нервно людей, как это обычно делают. Просто стояла и смотрела — спокойно, уверенно, как будто точно знала, что я подойду сама. И я подошла. Вика оказалась выше, чем я ожидала. Около 180 см, подтянутая, с той самой «походной» фигурой, где нет ничего лишнего — только сила и выносливость. У неё были короткие, почти под мальчика, волосы — светлые до белизны. Стрижка пикси, почти небрежная, но ей это шло так, будто иначе и быть не могло.

Лицо слишком правильное. Чёткие скулы, мягкие линии, и губы — заметные, живые, как будто она привыкла улыбаться чаще, чем говорить. Но главное — глаза. Карие. Тёплые. Такие, в которых не ищешь подвоха. Она посмотрела на меня — прямо, без оценивающего взгляда, без этого привычного «сканирования», к которому я уже привыкла в Москве. И улыбнулась. Просто, легко, как будто мы знакомы уже давно.

— Саша? — спросила она, и в голосе не было ни сомнения, ни формальности.

Я кивнула, и почему-то в этот момент всё напряжение, которое держало меня последние несколько часов, чуть отпустило. От неё шло странное ощущение. С одной стороны — она была слишком заметной. Таких людей обычно сразу выделяешь в толпе: красивая, яркая, уверенная. А с другой — в ней не было ни капли показухи. Если присмотреться чуть дольше, становилось понятно: дело вообще не во внешности. В ней была какая-то тихая, спокойная доброта. Не наигранная, а настоящая, с которой не пытаются понравиться, с которой просто спокойно.

— Как долетела? — спросила Вика.

— Нормально, — кивнула я.

— Тогда давай быстро за багажом и поедem. Нас уже ждут.

Она говорила спокойно, как будто для неё это всё — обычный день. А у меня внутри всё ещё немного трясло. Мы пошли к ленте выдачи багажа, и вот тут что-то во мне начало съезжать. Багаж задержали минут на двадцать. И за эти двадцать минут стало как-то странно. Мы вроде бы уже общались. Переписывались, созванивались, смеялись даже. А сейчас стояли рядом — и разговор не клеился. Погода, дорога, перелёт. Я словила себя на том, что больше ничего не приходит в голову и чувствую не в своей тарелке. Я переминалась с ноги на ногу, делая вид, что внимательно смотрю на ленту, хотя внутри всё сжималось от какого-то дурацкого чувства неловкости.

И в какой-то момент меня накрыло. А что, если это ошибка? Прямо резко, без подготовки. Просто взять сейчас, развернуться, купить билет обратно — и всё. Вернуться в свою квартиру, к своей привычной жизни, где всё понятно и безопасно. Я даже почти физически почувствовала, как легко это можно сделать. И так же резко — испугалась этой мысли. Нет. Я начала судорожно цепляться за то, ради чего вообще сюда прилетела. Шодан-Гол, та фотография на стене, перевал, горы, источники. Я столько раз прокручивала это в голове. Представляла, как всё будет. Но реальность, как обычно, оказалась другой.

Наконец-то выехал рюкзак, я стащила его с ленты — тяжёлый, неудобный, сразу потянул вниз, шестнадцать килограмм как никак. Я закинула его на плечи и молча пошла за Викой.

На парковке нас уже ждали. Старенький японский минивэн, слегка потрёпанный, но, судя по виду, вполне живой. За рулём сидел парень. Молодой, с удивительно круглым лицом, раскосыми глазами и широкими, почти плоскими губами. Бурят,- подумала я.

- Привет,- первый поздоровался парень и улыбнулся мелкими желтыми зубами.

- Привет, Саша,- я смущено улыбнулась.

- Бахо.

- Саш, ты рюкзак с собой положи, сейчас ребят заберем и определимся с вещами,- сказала Вика и села рядом с водителем.

Я расположила тяжелую ношу на сидении, и машина тронулась. Пока рассматривала внутренний салон и удивлялась водительской стороне справа, парень громко заговорил.

— Ну что, столица стоит? — спросил он с лёгкой усмешкой.

Я на секунду зависла.

— В смысле стоит? — переспросила я.

— Ну как обычно. Пробки, люди бегают, все страдают, — он пожал плечами. — Или уже всё, конец света, а мы тут последние выжившие?

Я невольно усмехнулась.

— Стоит. Всё как всегда. Никто никуда не едет, но все почему-то в дороге.

— Красиво сказала, — кивнул он. — Значит, не зря тебя из Москвы привезли.

Я чуть расслабилась.

— А ты часто такие вопросы задаёшь людям, которых впервые видишь?

— Конечно, — спокойно ответил он. — Надо же понять, с кем ехать дальше.

Он снова посмотрел в зеркало.

— Ты сама откуда? Ну, район, метро.

— Дмитровская, — ответила я.

— О, почти центр, — протянул он. — Значит, человек серьёзный.

— Да не особо, — фыркнула я.

— Это ты сейчас так говоришь, — усмехнулся он. — А потом окажется, что ты нас всех построишь и будешь командовать.

Я хмыкнула, но ничего не ответила.

— В походы ходила? — продолжил он.

— Нет.

— Вообще?

— Вообще.

Он на секунду замолчал, как будто переваривая.

Потом тихо присвистнул.

— Смело.

Я пожалала плечами.

— Не бойся, дойдем.

— Правильный ответ, наш человек.

Я чуть улыбнулась. Город медленно тянулся мимо — чужой, незнакомый, какой-то более спокойный, чем Москва. А внутри у меня постепенно отпускало.

- Сергей и Ира, уже собрались, будут ждать на выезде,- оторвалась от телефона Вика.- В магазин надо?- Бахо отрицательно помотал головой.

Я смотрела по сторонам с интересом рассматривая местную архитектуру. В итоге завернув в один из дворов они петляли между домов и остановились у подъезда. Их ждал парень среднего роста в бейсболке, футболке, лосинах и широких шортах поверх них. Такой образ меня изумил и я с интересом разглядывала необычный вид.

— Привет, Бахо! — он наклонился к открытому окну и протянул руку.

— Здорово, — Бахо ответил тем же, коротко пожав её.

В следующую секунду дверь минивэна распахнулась — и в меня прилетел рюкзак.

Прямо в колени.

— Ой, извини! — парень замер, глядя на меня с таким искренним ужасом, будто только что кого-то убил. — Не заметил.

Я сдержанно улыбнулась, хотя хотелось засмеяться.

— Ничего страшного.

Он на секунду завис, потом резко убрал рюкзак в сторону.

— Садись уже, герой-любовник, — хихикнула Вика.

Бахо тихо фыркнул.

Парень смущённо улыбнулся и залез в салон, устроившись напротив меня. Рюкзак поставил в проходе, между нами.

— Влад, — сказал он спустя секунду и протянул руку.

— Саша, — ответила я, пожав её.

— Александра — он чуть наклонился вперёд, всё ещё не отпуская мою руку, и уставился прямо мне в глаза. — Какие у вас необычные глаза.

Я приподняла бровь.

— Какая удивительная наблюдательность.

И аккуратно выдернула руку.

Он расплылся в широкой улыбке.

— Мадемуазель, вы сводите меня с ума.

— Влад, отстань от неё, — сразу отреагировала Вика, даже не оборачиваясь.

— Вот так и знал, что скажешь, — вздохнул он.

— Я вообще ничего не сделал, — добавил он уже с наигранно обиженным лицом.

— Молчи, герой-любовник, — строго, но с улыбкой сказала Вика.

Влад закатил глаза и ребята громко рассмеялись.

Мы тронулись, и я отвернулась к окну, наблюдая за дорогой. Но боковым зрением всё равно ловила, как Влад периодически на меня поглядывает.

Я невольно усмехнулась.

«Медведя там себе не подцепи», — вспомнились слова подруги. Она, конечно, имела в виду не совсем зверя.

— В моём имени нет буквы «к», — сказала я через пару минут.

Влад замолчал, потом нахмурился.

— В смысле?

Я повернулась к нему.

— Ты сказал «Александра». У меня в паспорте — «Алесандра». Без «к». Ошибка при оформлении.

Он на секунду завис.

— Алеса или просто Саша — пожала плечами я.

Он улыбнулся шире.

— Слушай, мне нравится, Алеееса, протянул парень. — Алеса звучит лучше.

Я чуть улыбнулась.

— Как скажешь.

— И как тебе наш город, Алеса? — спросил он, явно наслаждаясь новым именем.

Я посмотрела в окно.

— Красивый.

Следующие минут двадцать Влад не замолкал ни на секунду.

— Сейчас справа будет старая застройка, — он кивал куда-то в окно, даже не оборачиваясь, — тут раньше купцы жили. А вот эта улица — одна из самых старых в городе.

Он говорил легко, с удовольствием, будто не рассказывал — а делился чем-то своим. Я кивала, улыбалась, иногда даже пыталась вникнуть, но мысли всё равно ускользали. Слишком много всего сразу. Новый город, новые люди. Я снова уставилась в окно.

— Ты так хорошо знаешь город, — сказала я, скорее чтобы поддержать разговор.

— Это моя работа, — довольно отозвался Влад. — Я гид.

— А я риэлтор, — хмыкнула я. — Но про свой город почти ничего не знаю.

— Значит, плохо продаёшь, — не задумываясь ответил он.

Я фыркнула и уже хотела жестко ответить, как машина притормозила на небольшом пятачке у дороги. Там нас уже ждали двое. Парень и девушка. Оба с рюкзаками, оба тёмново-

лосые, смуглые — сразу видно, что не из тех, кто впервые выбирается из города. Девушка стояла чуть впереди, скрестив руки, и внимательно смотрела на машину, будто оценивая. Парень рядом с ней выглядел спокойнее, даже чуть расслабленно.

— Наши, — коротко сказал Бахо.

Мы остановились. Дальше всё смешалось в обычную дорожную суету. Двери открываются, рюкзаки перекаладываются. Кто-то кому-то мешает, кто-то извиняется, кто-то уже смеётся.

— Привет, — первым поздоровался парень, пожимая руку Бахо. — Сергей.

— Саша, — представилась я, когда он повернулся ко мне.

Он кивнул — коротко, без лишних эмоций, но не холодно.

— Ира, — сказала девушка, глядя прямо на меня.

Её взгляд был чуть более внимательный, чем нужно. Не неприятный, но оценивающий. Как будто она сразу пыталась понять, кто я и зачем здесь.

— Саша, — повторила я. — Какие вы загорелые.

— Мы с отпуска, — добавил Сергей, закидывая рюкзак в багажник. — Решили продолжить с приключениями.

— После Китая, — вставила Ира.

— Контраст, — усмехнулся Влад.

— Надеемся, в лучшую сторону, — спокойно ответила она.

Они переглянулись — коротко, по-своему. Я это заметила. Как и то, что они вроде бы вместе, но каждый — отдельно. Пока мы рассаживались, перекаладывали вещи и пытались уместить всё в и без того забитый минивэн, я поймала себя на мысли, что начинаю выдыхать. Становилось проще. Шумно, хаотично, но живо. Город постепенно остался позади. Дома редели, улицы становились шире, потом — пустее. Поля сменились лесом. Сначала редким, потом всё гуще. Сосны, кедры мелькали за окном, дорога начинала подниматься, потом резко уходила вниз. Повороты, зигзаги, этот странный таёжный серпантин — всё это завораживало. Я смотрела в окно и не могла оторваться. Пока меня не начало укачивать. Сначала чуть-чуть, потом сильнее. Машина плелась за фурой, и это только усугубляло.

— Поспи, — тихо сказал Влад, наклоняясь ко мне. — Нам ещё часа три ехать.

Я повернулась к нему.

— Устала, наверное.

— Есть такое, — я слабо улыбнулась.

Он приподнял бровь.

— Могу предложить плечо в аренду.

Я на секунду задумалась.

И почему-то не стала отказываться.

— А я, пожалуй, соглашусь.

Я повернулась к нему и осторожно устроилась, положив голову на плечо. Было не очень удобно, чуть странно, но спокойно. Я почувствовала лёгкий запах — то ли гель для душа, то ли что-то ещё, едва уловимое. Приятный, не навязчивый, он не вызывал отторжения. Наоборот — рядом с ним было нормально. Я закрыла глаза. Машина мягко покачивалась на поворотах, голоса вокруг постепенно становились тише, смешивались в общий фон. И довольно быстро я провалилась в сон.

Я открыла глаза, когда машину начало трясти. Ремонт дороги. Я резко вынырнула из сна и на секунду вообще не поняла, где нахожусь. Рука затекла и неприятно покалывала, тело казалось тяжёлым, ватным, как будто не моим. Я медленно выпрямилась, выгнула спину, свела лопатки, разминаясь. За окном что-то изменилось. Лес закончился. Вместо него появились горы — невысокие, но кое-где с белыми шапками снега. В середине июля это, наверное, нормально, но я всё равно зависла, почти уткнувшись в стекло.

Я видела горы раньше. В Турции и Европе, но сейчас было совсем другое ощущение. Тогда я просто смотрела, а сейчасСейчас я ехала к ним. Туда, где-то в глубине, был тот самый перевал Шадан. из-за которого всё и началось.

— Доброе утро! — громко раздалось рядом.

Я улыбнулась и повернулась к Владу.

— Доброе.

— Нам полчаса осталось, — с каким-то детским восторгом сказал он.

Сердце у меня почему-то сразу забилось быстрее. Машину снова тряхнуло, кто-то зашевелился, просыпаясь. Через пару минут в салоне стало шумно — все начали смотреть по сторонам, переговариваться, задавать вопросы.

Влад, как ни в чём не бывало, снова включился в режим гида.

— Тунайская долина образовалась, когда здесь остановился Байкал, — начал он. — Потом был ледник. Когда он растаял, вода ушла обратно в озеро. Но Байкал до сих пор расходуется

Он сделал паузу, явно наслаждаясь вниманием.

— Так что через миллион лет здесь будет море. Поэтому, друзья мои, вы сейчас едете по его дну.

В машине кто-то хмыкнул, кто-то тихо присвистнул.

— Влад, а ты был на Шадане? — спросила я.

— Пятый раз, — гордо ответил он. — Юбилейный, можно сказать.

— Ты туда экскурсии водишь? — удивилась я.

— Нет, — он усмехнулся. — Первый раз ещё школьником сходил. И всё. Затянуло.

Он на секунду задумался.

— Если бы мог — ходил бы каждый год.

— Тебе там так нравится?

— Всем нравится, — спокойно сказал он. — Один раз сходишь — обязательно вернёшься.

Он посмотрел куда-то вперёд, уже без шутки.

— Это даже называют «зов Шадана». В какой-то момент просто понимаешь, что тебе туда надо. Прямо жизненно необходимо.

Я чуть улыбнулась.

— Похоже на правду.

— А ты почему поехала? — он снова перевёл взгляд на меня. — Одна, из Москвы

Я на секунду задумалась.

— Зов Шадана, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Серьёзно?

— Увидела фотографию перевала — пожала плечами я. — И поняла, что должна увидеть это вживую.

— Интересно, — протянул он. — И не страшно?

Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Я же не одна.

Он на секунду задержал взгляд.

В глазах мелькнуло что-то тёплое, почти довольное.

Я отвернулась к окну.

«Хороший парень», — мелькнуло у меня. — «Жаль, что местный».

А где-то рядом, судя по выражению лица, Влад уже успел придумать совсем другую версию этой истории.

Ремонт дороги закончился, и машина мягко выехала на более ровный участок. Через несколько минут показался посёлок Ухан. Небольшой, прижатый к самому подножию гор, он выглядел тихим и каким-то временным. Как будто всё здесь существует только ради тех, кто идёт дальше. Население — не больше тысячи человек, но при этом повсюду — санатории, базы отдыха, гостевые дома. Туристы приезжали сюда за всем сразу: посмотреть старинный дацан, пройти к водопадам, попробовать минеральные источники или уйти в горы.

Мы остановились. Дальше всё пошло быстро и немного сумбурно: поели в местном кафе, оставили машину на стоянке, проверили вещи, ещё раз перекопали рюкзаки. Я попыталась дозвониться в Москву. Связь ловила плохо, гудки шли, но трубку никто не брал. Я немного постояла с телефоном в руке, потом просто написала:

«Всё хорошо. Через две недели позвоню. Тут сказочно красиво».

Поставила авиарежим и убрала его в рюкзак. Как будто вместе со связью отрезала кусок прошлой жизни. К нам присоединились ещё двое. Алтан и Виктор — друзья Влада. Оба уже ходили на Шадан раньше. Они были как два полюса. Алтан — бурят, высокий, немного плотный, с большими, спокойными глазами, в которых сразу читалась доброта. Виктор — ниже меня, с заметным животом, но с мощными, крепкими ногами, как у человека, который привык много ходить. Оба — борцы. Это чувствовалось даже по тому, как они двигались. Перед выходом Бахо раздал каждому по пакету с едой. Я взвесила свой рюкзак в руках. Плюс пять килограммов.

— Серьёзно?.. — выдохнула я.

— Сегодня самый лёгкий день, — спокойно сказал Влад. — Набора почти нет. Пройдём каньон, потом лес. Километров десять.

Я кивнула. Десять километров. Звучало нормально. Мы тронулись.

Глава 2

Первые минуты всегда странные. Ты вроде идёшь — и не понимаешь, как правильно. Как ставить ногу, как дышать, как вообще с этим рюкзаком существовать. Он тянет назад, вниз, в стороны — сразу чувствуется каждая лишняя вещь, каждая ошибка в сборке. Но потом тело как будто вспоминает, что делать. Шаг выравнивается, дыхание становится ровнее. Рюкзак перестаёт быть чем-то чужим и ты просто идёшь. Тропа сначала шла вдоль реки. Каньон оказался несложным, но местами приходилось аккуратно перелезать через камни, искать, куда поставить ногу, держать равновесие. Я шла, сосредоточившись на движении, и в какой-то момент поймала себя на мысли, что мне нравится. Тело работает, голова — пустая. Никаких лишних мыслей. Только шаг и ещё шаг. Потом лес стал плотнее. Смешанный, с запахом хвои и влажной земли. Солнце пробивалось сквозь кроны, ложилось пятнами на тропу. Я вспотела, конечно, рюкзак давил, плечи ныли. Но это было терпимо. Даже больше — в этом было какое-то удовольствие. Такое простое, физическое. Я бы оценила это где-то на четвёрку из десяти. Не легко, но и не «умираю, заберите меня обратно».

Мы шли бодро. Разговаривали урывками, смеялись, иногда замолкали. Каждый ловил свой ритм. И постепенно я перестала чувствовать себя чужой.

К вечеру мы вышли на большую поляну. Где-то в стороне, метрах в ста, шумела река. Вокруг — берёзы, светлые, почти прозрачные. Воздух был таким чистым, что сначала у меня закружилась голова.

— Перенасыщение кислородом, — спокойно сказала Вика.

— Отлично, — пробормотала я, присаживаясь на рюкзак.

Ребята быстро развернули лагерь. Кто-то ставил палатки. Кто-то разводил костёр. Кто-то уже доставал еду.

Я огляделась.

— А столы на всех стоянках будут?

— Только здесь и за перевалом, — ответила Вика. — Там ещё зимовьё есть.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Ты как?

Я пожала плечами.

— Пока не поняла. На дорожке проще.

— Подожди, завтра начнётся, — весело бросил Бахо, нанизывая мясо на шампур.

— Не пугай её раньше времени, — Вика укоризненно посмотрела на него.

Потом снова повернулась ко мне.

— Ты главное — не отставай от группы.

— Хорошо, — вздохнула я.

— С погодой пока везёт, — продолжила она. — Завтра солнце обещают.

— Вика, ты смотрела на Шадане? — спросил Влад.

— Смотрела. Когда придём — будет дождь, — пожала плечами она. — Но это, как всегда, не точно.

— Почему? — спросила я.

— Горы, — коротко ответила она. — Здесь погода сама по себе. С одной стороны перевала солнце, с другой — снег.

Я подняла взгляд. Горы едва виднелись над верхушками деревьев. И почему-то в этот момент мне очень захотелось увидеть этот снег. Летом. Как будто это было чем-то обязательным.

Запах жареного мяса разнёсся по всей поляне. Я сидела у костра, вытянув руки к огню, и смотрела, как Бахо переворачивает шампуры.

— Никогда бы не подумала, что в походе будет шашлык? — сказала я, глядя на мясо.

— В первый день — всегда так, — ответил он. — Традиция.

— А дальше уже как повезёт, — добавил Виктор. — Иногда суп, иногда каша, иногда просто «что нашли, то и съели».

— Отлично, — пробормотала я. — Обнадёживает.

— Ты не переживай, — усмехнулся Влад. — С голоду не умрёшь. Мы стараемся.

— Ключевое слово — «стараемся», — вставила Вика.

Я усмехнулась.

— А вы давно так ходите? — спросила я, переводя взгляд с одного на другого.

— Кто как, — пожал плечами Алтан. — Я лет пять уже.

— Я меньше, — сказал Виктор. — Но затянуло.

— А тебя что занесло? — он посмотрел на меня с интересом. — С нуля — и сразу сюда.

— Фотография, — честно ответила я. — Увидела перевал и всё.

— Всё? — переспросил он.

— Всё.

На секунду повисла пауза.

— Нормальная причина, — кивнул Бахо.

— Опасная, — добавил Влад.

Я посмотрела на него.

— Почему?

Он чуть улыбнулся.

— Потому что такие решения меняют все.

— Не пугай человека, — сказала Вика.

— Я не пугаю, — спокойно ответил он. — Я предупреждаю.

— Саша, ты не слушай его, — вмешался Виктор. — Он просто уже пятый раз идёт и думает, что теперь эксперт.

— Я и есть эксперт, — не моргнув ответил Влад.

— В чём? — хмыкнул Бахо.

— В выживании, — серьёзно сказал он.

— В болтовне, — поправила Вика.

Ребята засмеялись.

— Саша, если что, — Виктор наклонился чуть вперёд, — мы тебя спасём.

— От кого? — улыбнулась я.

— От него, — кивнул он на Влада.

Я тихо рассмеялась.

Влад посмотрел на меня и чуть наклонился ближе.

— Не верь им, — сказал он негромко. — Я нормальный.

— Я уже начала сомневаться, — так же тихо ответила я.

Он усмехнулся.

— Поздно.

— Влад, — протянула Вика, — не начинай.

— Я даже не начинал, — невинно ответил он.

— Вот именно это и пугает, — буркнул Бахо.

Ребята снова загалдели, кто-то начал рассказывать истории, Влад подхватил и начал травить байки про туристов — про странные вопросы, про людей, которые шли в горы в шлепках, про тех, кто спрашивал, где тут вайфай. Я смеялась вместе со всеми. И в какой-то момент поймала себя на том, что полностью расслабилась. Как будто я уже здесь своя.

Первыми спать ушли Сергей и Ира — молча, почти не прощаясь. Я это заметила. Они были отдельно. Мы ещё какое-то время сидели у костра, пока холод окончательно не выгнал нас по палаткам. Мы с Викой забрались в двухместную. Лёжа в спальниках, ещё немного поболтали — о дороге, о завтрашнем дне, о том, как я держусь. Где-то рядом раздался громкий храп. Мы переглянулись и тихо рассмеялись.

— Ну всё, — сказала Вика. — Началось.

Через пару минут разговор сам собой затих. Но уснуть сразу не получилось. Я ворочалась, пытаясь устроиться. Привыкла спать «звёздочкой», а спальник сковывал, не давал развернуться. В итоге я сдалась. Расстегнула его, засунула ноги внутрь, а сверху накрылась, как одеялом. Так стало легче. Я ещё какое-то время лежала, слушая: шум реки, треск костра где-то вдалеке, чужое дыхание рядом.

И вдруг подумала: *я правда здесь*. Не во сне, не в планах, не «когда-нибудь», а сейчас. И уже через несколько минут я уснула.

Проснулась я рано от шагов за палаткой. Чьи-то голоса — приглушённые, чужие, как будто из другого мира. Я лежала, не открывая глаз, и пыталась понять, где я вообще. Потом пришло ощущение тела. Плечи ныли, шея затекла, спина тоже намекала, что вчерашний день она запомнила. Я с усилием разлепила глаза, села и потянулась к телефону.

06:30.

Полвторого ночи по Москве.

— Боже — тихо выдохнула я и снова рухнула на коврик.

Рядом зашевелилась Вика.

Она приподнялась на локте, посмотрела на меня сонным взглядом.

— Доброе утро.

— Доброе, — пробормотала я.

— Как спалось?

Я покрутила головой из стороны в сторону.

— Шея отваливается.

— Аналогично, — вздохнула она и потянулась.

В этот момент палатку кто-то потряс за дуги.

— Подъё-о-ом! — протянул снаружи голос Влада.

Я застонала.

— Я его ненавижу, — пробормотала я.

— Аналогично, — усмехнулась Вика.

Мы нехотя начали одеваться и через пару минут выползли наружу. У уже кипел чайник на газовой горелке. Кто-то бодро ходил, кто-то ещё выглядел как я — потерянно и слегка злым. Я попыталась позавтракать. Не получилось. Пара шоколадных конфет — максимум, на который я была способна. И кофе три в одном, который показался подозрительно вкусным.

— Поешь нормально, — сказала Вика, протягивая мне миску с кашей.

Я замотала головой.

— Не лезет.

— Потом пожалеешь.

Я отвернулась.

Через сорок минут мы закидывали последние вещи в рюкзаки и неспеша выдвинулись в путь. Прав был Бахо. *Вот теперь начнётся.* Первый километр прошёл спокойно. Берёзовая роща, мягкая тропа, ровный шаг. Я даже подумала, что всё не так страшно. А потом начался подъём. Плавный сначала, потом всё круче. Лес постепенно менялся — берёзы остались позади, вокруг стали только сосны и кедры. Я шла, уставившись под ноги, считая шаги. Иногда поднимала взгляд — и отвлекалась. Грибы. Их было столько, что казалось, будто это сказка и в реальности так не бывает.

— Смотри! — шёпотом сказала я сама себе, заметив очередной.

Иногда мелькали бурундуки. Пару раз видела белок. И каждый раз внутри поднимался какой-то детский восторг. Рюкзак тянул вниз. Сильно. По моим ощущениям — килограммов двадцать два, не меньше. Плечи уже начали ныть, лямки впивались, спина постепенно уставала. И вот тут начали приходить мысли.

Зачем я взяла дополнительную обувь, лосины, тёплую кофту? Дезодорант, блин? Сухой шампунь?.. Серьёзно?

В голове всплыл голос Вики:

«Бери только по списку. Всё облегчённое. И не забывай — нести тебе самой».

Я тогда кивала. И всё равно набрала лишнего. Потому что не представляла, как можно две недели ходить в одном и том же. Теперь представляла и очень чётко.

Каждый лишний грамм — это килограмм.

И сейчас это ощущалось максимально буквально.

Я молча шла и мысленно проклинала себя. В очередной раз остановилась, прислонившись к дереву. Дышать было тяжело. Грудь ходила ходуном, воздух как будто не доходил до конца. Я повернулась и посмотрела вниз. Тропа, по которой мы поднимались, змейкой уходила в лес. Где-то далеко внизу мелькали ребята.

И в голове проскочило:

«Может, ну его?.. Я же сдохну. Это только начало».

Секунда.

И сразу же вторая мысль, злая:

«Соберись. Иди».

Я оттолкнулась от дерева и пошла дальше. Группа уже растянулась на десятки метров. Впереди, как два танка, шли Алтан и Бахо. Ровно, спокойно и без остановок. Как будто у них вообще нет рюкзаков. Я смотрела на них и не понимала, как это возможно.

Они вообще люди?..

— Устала? — услышала я впереди.

Я поднялась к Владу, почти волооча ноги.

— Очень, — выдохнула я, стараясь хоть немного восстановить дыхание. — Я уже начинаю сомневаться, надо ли мне было сюда ехать.

Он усмехнулся.

— Первый раз всегда так.

— У меня сейчас плечи отвалятся, — пожаловалась я.

— Подожди. Встань ровно.

Я послушно выпрямилась. Он подошёл ближе, потянул за верхние лямки, потом за боковые, чуть приподнял рюкзак. Я почувствовала, как вес сместился. Он ещё раз подтянул ремни, поправил.

— Так лучше?

Я осторожно сделала пару шагов.

— Да — удивлённо сказала я. — Реально легче.

— Рюкзак надо подгонять под тело, — спокойно объяснил он. — Тогда вес распределяется нормально, и жить можно.

— Спасибо, — я улыбнулась.

Мы пошли дальше. И правда стало легче. Не то чтобы «супер легко», но уже не хотелось лечь прямо на тропе и остаться там навсегда. Хотя мысли всё равно не отпускали.

Зачем я сюда попёрлась? Я же не походец. Я вообще в зале максимум на дорожке ходила

Я подняла взгляд вперёд.

Алтан и Бахо всё так же шли. Ровно и уверенно, как два локомотива. Ни паузы. Ни жалобы.

Ну конечно. Им нормально. А я тут умираю.

— Всё нормально? — Влад снова притормозил, пропуская меня вперёд.

— Да — выдохнула я. — Просто думаю, как вы это делаете.

Он усмехнулся.

— Привыкаешь.

Вместо обеда сделали привал. Час просто сидели. Заварили сладкий чай, достали орехи. Я села прямо на землю и почувствовала, как тело начинает отпускать. Ноги гудели, плечи ныли, но уже не так критично. Солнце светило ярко, но из-за деревьев было прохладно. Я поймала себя на том, что мне хорошо. Устало, но хорошо.

Во второй половине дня я достала плеер. Это было моё спасение. Две тысячи песен — я готовилась к этому походу не только физически. Рок, поп, классика, джаз, тяжёлый рок. Даже аудиокниги. Я включила музыку, и идти стало легче.

Как будто появился ритм. Шаг — под бит. Ещё шаг. Телефон лежал в маленьком боковом кармане рюкзака. Иногда я доставала его — сделать фото, поймать момент, снять кусочек дороги. Чтобы потом не поверить, что это было со мной.

За заряд я больше не переживала. У Влада и Виктора на рюкзаках висели солнечные панели — такие туристические маты. Лёгкие, почти не мешали, но давали нормальный заряд. Я посмотрела на них и усмехнулась.

Ну конечно. Все подготовились. Одна я — с горнолыжной курткой и теплыми гамаши.

Рюкзак снова напомнил о себе. И я только вздохнула «к

ачеК вечеру мы вышли под перевал Изумрудный. Назывался он так из-за ярко-зелёного лишайника, который покрывал камни. Издалека казалось, будто это трава. Хотя вокруг — сплошной камень. Здесь уже не было леса. Только редкие кусты, ветер и пространство. И тишина. Где-то рядом журчал ручей. Мы скинули рюкзаки почти одновременно. Я просто села на ближайший камень и закрыла глаза.

Всё.

Ни мыслей, ни сил. Хотя нет, силы как раз начали появляться, понимаю, что на сегодня длинный путь закончен. Кто-то пошёл за водой. Кто-то начал ставить палатки. Я сидела ещё пару минут, потом заставила себя подняться и тоже включиться. Руки двигались автоматически. Поставить палатку, достать вещи. Разложить. Как будто тело всё делало само, без моего участия.

У ручья быстро набрали воды. На газовую горелку поставили кастрюлю.

Туда полетело всё подряд: сухие супы, сушёное мясо, и в конце — две банки тушёнки.

Я смотрела на это и думала: *Ну такое.*

Но когда суп был готов Я съела первую ложку и зависла. Это было нереально вкусно. Я даже не понимала, что именно ем. Какие-то куски, что-то мягкое, что-то волокнистое, бульон странного цвета. Но это было лучшее, что я ела за последнее время.

— Вкусно? — с усмешкой спросил Виктор.

Я молча кивнула и продолжила есть.

— Привыкай, — сказал Бахо. — В горах всё вкусное.

— Особенно после такого дня, — добавила Вика.

Я выдохнула.

— Я вообще не ожидала, что будет так.

— Как? — спросил Влад.

Я задумалась, подбирая слова.

— Тяжело. Прямо по-настоящему тяжело.

Я посмотрела на свои ноги.

— Я думала, ну да, поход, ну да, устанешь Но не вот это вот.

Я усмехнулась.

— Беговая дорожка вообще рядом не стояла.

Ребята тихо рассмеялись.

— Классика, — кивнул Виктор. — Все так думают.

— Особенно в первый раз, — добавил Алтан.

— С рюкзаком — это совсем другая история, — сказала я. — Если бы без него шла — вообще бы не вопрос.

— Ну без рюкзака каждый может, — пожал плечами Бахо..

Я улыбнулась.

— Уже поняла.

Я доела суп и откинулась назад, опираясь на камень.

Тело постепенно отпусало.

Тепло от еды растекалось внутри.

И вместе с этим пришло странное спокойствие.

— Но знаешь — сказала я спустя пару секунд. — Сейчас уже как-то нормально.

— В смысле? — повернулась ко мне Вика.

— Ну когда идёшь — думаешь, всё, зачем я сюда пришла. А сейчас сижу и понимаю что всё не зря.

Я посмотрела в сторону перевала.

Он возвышался прямо над нами. Серый и неприступный.

— Завтра же туда? — спросила я.
— Завтра, — кивнул Влад.
— Ну и отлично, — выдохнула я. — Поднимемся — и всё. Жизнь удалась.
— Слышал? — усмехнулся Виктор. — Уже планы строит.
— Да ладно тебе, — махнул рукой Бахо. — Тут всего-то около двух восьмисот.
— Не Эверест же, — добавил Алтан.
— И даже не Эльбрус, — подхватил Влад.
— Первый раз тяжело, — продолжил Виктор. — На пятый будешь туда забегать.
Я посмотрела на них.
— Вы сейчас серьёзно?
— Абсолютно, — кивнул Влад.
Я фыркнула.
— Посмотрим, как я завтра вообще встану.
— Встанешь, — спокойно сказала Вика. — Куда ты денешься.

Вечер быстро опустился на лагерь. Стало холодно. Я закуталась плотнее и снова посмотрела на перевал. И впервые за всё время мне стало немного тревожно.

Ночью я сильно замёрзла. Просыпалась несколько раз, пыталась закутаться плотнее, полностью залезала в спальник, но всё равно было холодно. Ткань шуршала, сковывала движения, было неудобно, душно, но если вылезти — сразу пробирало до костей. В какой-то момент я просто свернулась внутри, поджала ноги и попыталась уснуть. Но получилось плохо.

Утро наступило резко. Кто-то уже ходил снаружи, слышались голоса.

Я открыла глаза и первое, что почувствовала — холод. Такой, от которого сразу хочется обратно в спальник и никуда не вылезать.

Ни за что.

Я ещё минут пять лежала, уговаривая себя. Потом всё-таки села, быстро оделась и, собравшись с духом, вылезла наружу. И замерла. Палатка была покрыта инеем. Трава вокруг — тоже. Белёсая, хрустящая, как будто ночью всё заморозили. Я вдохнула — и сразу пожалела. Холодный воздух обжёг изнутри.

Меня затрясло так, что зуб на зуб не попадал.

— Доброе утро, — бодро сказала Вика, как будто это вообще нормальная температура для жизни.

— Ты издеваешься?.. — пробормотала я, обнимая себя руками.

— Сейчас согреешься, — спокойно ответила она.

Очень надеюсь.

Горячий чай немного спас. Я держала кружку двумя руками, грея пальцы, и чувствовала, как постепенно возвращаюсь в тело. Завтрак прошёл быстро.

Никто особо не рассиживался. Все понимали — впереди перевал. Подъём начался почти сразу. И если вчера было тяжело То сегодня началось настоящее. Вокруг камни. Крупные, острые, неровные. Тропа исчезала, появлялась, снова терялась. Я сделала десять шагов. Остановилась. Сердце колотилось так, будто сейчас выскочит. Сделала ещё десять. Снова остановка.

Я даже не пыталась идти быстрее. Просто не могла.

Шаги. Дыхание. Остановка.

Вдох. Выдох.

Зачем я сюда пошла?..

Я подняла голову. Где-то далеко впереди уже были ребята. Алтан и Бахо — как всегда, шли ровно, без остановок. Как будто это не подъём, а прогулка.

Да как

Я опустила взгляд. Ещё десять шагов. Остановка. В какой-то момент я просто села на камень и уставилась перед собой. Ни мыслей, ни эмоций. Только одно:

Я не дойду.

— Дойдёшь.

Я подняла голову. Рядом стоял Влад. Он, судя по всему, уже давно мог быть наверху, но стоял здесь. Со мной.

— Давай, — спокойно сказал он. — Не смотри вверх. Смотри под ноги. Иди своим темпом.

Я тяжело выдохнула.

— Я не могу.

— Можешь, — так же спокойно ответил он. — Просто медленно.

Он чуть улыбнулся.

— Все так идут в первый раз.

Я молча кивнула. Встала. Сделала шаг. Ещё один. Он не торопил. Просто шёл рядом, а иногда останавливался и ждал.

— Давай, ещё немного, — говорил он. — Там уже ближе, чем кажется.

Я не верила. Но шла. Шаги. Остановка. Снова шаги. И в какой-то момент

Камни закончились. Я сделала ещё шаг — и вдруг поняла, что дальше уже не вверх.

Перевал.

— Уууу-хааа! — закричала я, даже не думая.

И в ту же секунду у меня выступили слёзы. От ветра. От усталости. От всего сразу. Сильный порыв ударил в лицо, волосы растрепались, глаза защипало ещё сильнее.

— Саш, ты чего? — настороженно спросила Вика.

Я попыталась улыбнуться.

— Я в восторге

И это было правдой. Передо мной было всё. Облака — совсем близко, быстрые, живые. Внизу — тропа, по которой мы шли, извивалась, как змея. Где-то внизу светилось голубое озеро. Снег. Настоящий. Лежал пятнами между камнями.

И прямо под ногами журчала вода — отсюда начиналась горная река Шадан.

Я стояла и не могла поверить.

Я это сделала. Сама. Прилетела. Дошла. Поднялась. С этим чёртовым рюкзаком.

— Ну что, — усмехнулся Влад, — всё ещё жалеешь?

Я посмотрела на него.

— Нееет.

Спуск сначала показался подарком. После подъёма ноги сами несли вниз. Дышалось легче. Рюкзак уже не казался таким тяжёлым. Я даже поймала себя на том, что улыбаюсь.

Неужели это всё?

Я шла и напевала себе под нос:

— Ещё чуть-чуть и прямо в рай

Потому что знала — к вечеру мы дойдём.

Но радость быстро поумерилась. Тропа ушла в сторону и вывела нас на огромные валуны. Сначала один. Потом ещё. Потом — сплошное каменное поле. Идти стало неудобно. Каждый шаг приходилось выверять. Камни местами шатались, уходили из-под ног, скользили. Ритм сбился. Тот самый лёгкий «спуск» закончился.

— Осторожнее, — бросил Влад, оглядываясь.

— Я уже поняла, — буркнула я, балансируя на очередном камне.

Вот тебе и «вниз легко».

Когда камни наконец закончились, перед нами открылось озеро. То самое. Почти идеальной формы сердца. Как на той фотографии. Только вживую — ярче, глубже, настоящей.

— Ну что, — усмехнулся Бахо, — кто первый?

Парни уже скидывали вещи.

Через минуту с громкими криками и улюлюканьем они рванули к воде.

— АААА! — раздалось оттуда почти сразу.

Я не сдержалась и рассмеялась. Они визжали как девочки. Резвились точно дети. Нырjali — и тут же выскакивали обратно, матерясь и смеясь.

— Девчонки, присоединяйтесь! — крикнул Бахо, вытирая лицо.

— Мы лучше посмотрим, — спокойно ответила Вика.

Я уже лежала на траве, подложив рюкзак под голову. Тепло, солнце и облака, которые всё так же быстро бежали по небу. И ощущение полного счастья.

— Ты на Влада не обижайся, — сказала Вика, не глядя на меня. — Он хороший. Просто девушку всё никак не найдёт. Вот и цепляется иногда.

Я усмехнулась.

— Я не обижаюсь.

Я чуть приподнялась на локтях.

— Он милый, но

Вика повернула ко мне голову.

Я посмотрела на неё и чуть приподняла бровь.

— Он тут. А я в Москве.

Она выдержала паузу и кивнула.

— Логично.

Я снова легла, глядя в небо. И почему-то стало немного грустно. Влад мне правда нравился. Простой. Открытый. И как он смотрелЯ это уже видела раньше и знала, чем это заканчивается. Пару недель общения. Может, месяц, а потом — тишина. Расстояние. Разные жизни. И всё.

— Саш, идёшь? — донеслось от воды.

Я поднялась.

— Нет, я пас.

— Зря! — крикнул Влад. — Тут бодрит!

— Я и так бодрая! — крикнула я в ответ.

Через какое-то время все выбрались на берег.

Быстро обтёрлись, натянули одежду прямо на влажную кожу.

Солнце делало своё дело — вещи высыхали почти сразу.

— Ну что, двигаем? — спросил Виктор.

— Двигаем, — кивнула Вика.

Дальше дорога снова изменилась. Сначала мягкая трава, потом — влажная земля. А потом началось Болото. Ноги проваливались, где-то по щиколотку, где-то меньше. Я шла, стараясь выбирать места посуше, но это было бесполезно.

— Добро пожаловать, — усмехнулся Влад. — Вот мы и дошли до ягодок.

— Очень смешно, — пробормотала я, вытаскивая ногу из очередной жижи.

Трекинговые ботинки держали, но всё равно было неприятно. Чавкало, тянуло, иногда тропа уходила к реке. По крупной гальке легче идти. Я даже ускорялась, а потом снова — вверх. Курумник, камни, шатающиеся и неровные. Но после перевала это уже не пугало. Я поймала себя на мысли:

Если я поднялась туда — я дойду куда угодно.

Мы шли. Долго, спокойно, без спешки. Впереди было ещё много километров, но внутри уже было другое состояние. Не сомнение, а какое-то тихое упрямство и уверенность.

К семи вечера мы вышли к броду.

— Ну всё, — сказал Влад, скидывая рюкзак. — Километра два — и мы на месте.

Два километра.

После всего пройденного пути, даже не верится.

Бахо подхватил длинную палку, которых валялось полно на берегу, и, как горный козёл, легко поскакал по воде, проверяя дно.

— Здесь нормально! — крикнул он через пару секунд.

Я посмотрела на реку. Широкая, быстрая и как будто совсем не глубоко. Я закатала штаны выше колена.

— Ну что, — Влад протянул мне руку, — пошли.

Я быстро отстегнула рюкзак, ослабила лямки.

— Если что — скидывай, — сказал он. — Не геройствуй.

Я кивнула и сделала шаг в воду. Сначала было даже приятно. Холодная вода обожгла уставшие ноги, как будто снимая напряжение. Я выдохнула.

Нормально

Сделала ещё шаг. И ещё. И через метрЯ перестала чувствовать пальцы.

— Влад — выдохнула я.

— Идём, идём, не останавливайся, — он крепче сжал мою руку.

Вода поднималась выше. До середины икры, колена и выше. Течение толкало в сторону. Камни под ногами скользили. А штаны уже были все мокрые. Я оступилась.

— Держу! — резко сказал он, буквально вытягивая меня вперёд.

Он шёл уверенно, как будто это не ледяная река, а обычная тропа. А я Я просто цеплялась за него. Шаг и ещё шаг.

— Почти, — сказал Влад. — Давай.

Я уже ничего не чувствовала. Только тупую боль и холод.

Когда мы вышли на берег, ноги как будто взорвались иголками. Тысячи мелких уколов. Больно, резко и холодно

— АА — выдохнула я, сжимая зубы.

— Сейчас отпустит, — спокойно сказал Влад.

Сзади раздался смех и я обернулась. Виктор, не заморачиваясь, просто снял штаны и с абсолютно невозмутимым лицом переходил реку с голым задом.

— Ну ты красавчик, — хмыкнул Бахо с берега.

Виктор выбрался, спокойно натянул лосины и, как ни в чём не бывало, пошёл дальше. Я не выдержала и рассмеялась.

— Гений, — пробормотала я.

Второй брод оказался уже.

— Лёгкий, — махнул рукой Влад.

Конечно.

Я сделала шаг. Потом ещё один. И в какой-то момент нога поехала на скользком камне.

— Чёрт!

Я провалилась почти по колено. Вода тут же залилась внутрь. Штаны. Носки. Всё.

— Да вы издеваетесь — пробормотала я, выбираясь.

— Бывает, — пожал плечами Влад.

Я выдохнула. Рюкзак хотя бы не утопила. Последние километры я шла в мокрой одежде. Солнце уже ушло за горы. Становилось холоднее. Ноги ныли, мозоли напоминали о себе при каждом шаге. Казалось, что эти пару километров тянулись бесконечно.

Когда мы прошли первое зимовьё, уже почти стемнело.

Влад, не останавливаясь, убежал вперёд.

— Он сейчас проверит, свободно ли, — сказала Вика.

Мы скинули рюкзаки и просто стояли. Сил разговаривать уже не было. Минут через десять в темноте появился свет фонаря.

— Четвёртое свободно! — крикнул Влад.

И в этот момент все ожили.

Зимовьё оказалось маленьким, настоящая избушка. Низкая дверь — пришлось нагнуться, чтобы войти. Слева — печка, обложенная камнями. Справа — маленький стол под окном. Напротив двери деревянный настил во всю стену — нары. Вместо пола — земля. Просто, грубо, идеально.

— Огонь, — выдохнул кто-то.

И я была полностью согласна.

Мы быстро переоделись в сухое. Это было такое счастье. Тёплая одежда, сухая кожа. Я даже глаза закрыла на секунду.

Снаружи уже кипела жизнь. Парни принесли воду. Поставили горелку. Рядом — костровище из камней. Стол под навесом. Я вдохнула холодный воздух и вдруг поймала себя на мысли:

Мы дошли.

— Пей.

Влад протянул мне свою большую кружку. Я сделала глоток и замерла.

— Ого

Выпила почти всё залпом и удивлённо посмотрела на него.

— А то, — довольно сказал он. — Великие Шаданские источники.

Вода была тёплой, но не противной, как тёплая минералка. Наоборот — мягкой, приятной, с лёгкой природной минерализацией и едва уловимым запахом.

— Завтра проведу экскурсию по всем источникам, — гордо заявил Влад.

— О да, ты проведёшь, — хмыкнул Виктор.

Они с Бахо переглянулись и дружно заржали.

— Да пошли вы, — обиженно пробубнил Влад.

— Да не обижайся, — Бахо повернулся ко мне. — Но когда он начнёт рассказывать легенду про оленя — не верь. Он врёт.

Он снова рассмеялся.

— В легендах всегда есть доля правды, — деловито ответил Влад.

Решили не заморачиваться с ужином. Развели быстрые супы и поели прямо на ходу. И всё. Никто даже особо не разговаривал. Усталость накрыла мгновенно.

Мы улеглись в зимовье — и, кажется, я уснула раньше, чем закрыла глаза.

Я проснулась от звуков. Дверь хлопнула, кто-то зашёл, вышел. Голоса снаружи. Я приоткрыла глаза. Свет уже пробивался через маленькое окно. Я была одна. Выйдя из зимовья, на меня почти хором обрушилось:

— Доброе утро!

Я улыбнулась.

— Доброе

— Ну что, — Вика стояла с полотенцем на голове, — завтракать будешь или просто воды попьёшь?

Я провела рукой по волосам и поморщилась.

— Я, честно, сейчас только о душе думаю.

Она рассмеялась.

— Вот и я о том же. Пей чай, я тебе сейчас организую.

Никогда не думала, что полтора литра воды могут сделать человека настолько счастливым. Я сидела, наклонив голову, а Вика аккуратно лила воду из бутылки.

Холодная. Чистая. Пальцы пробежали по волосам, смывая пыль, пот, и будто всю усталость за эти дни. Когда я выпрямилась, волосы были мокрые, холодные, но такие лёгкие. Я провела рукой — и улыбнулась.

Господи, какое счастье.

День обещал быть жарким. Солнце уже стояло высоко. Небо — чистое, без единого облака.

— Ну что, — Вика хитро посмотрела на меня, — готова?

— К чему?

— К спа.

Я рассмеялась.

— Серьёзно?

— Более чем.

Я надела купальник. Сверху — майку и короткие шорты. Взяла сухое бельё.

Трекинговые ботинки остались стоять у домика. Впервые за всё время натянула шлёпки и вышла. И это было так приятно. После всех этих камней, грязи, подъёмов — просто идти легко.

— Пошли, — кивнула Вика.

Хорошо протоптанная тропа виляла между огромных кедров и голубых елей.

Когда мы вышли на поляну, я невольно раскрыла рот от изумления. Под ногами струились ручейки минеральной воды. В воздухе витал лёгкий запах сероводорода. По поляне ходили люди с кружками, зачерпывали воду прямо из источников и пили.

— Попробуй всё и выбери, что больше нравится, — сказала Вика. — Штуки три-четыре и пей.

Возле каждого начала источника лежали камни с надписями: «Зубы», «ЛОР», «Сердце», «Желудок», «Кишечник».

Рядом стояли знаки «плюс» или «минус». Я нагнулась и увидела маленькие пузырьки, поднимающиеся со дна возле камней. Попробовала «Желудок».

Вода оказалась тёплой, как утренний кофе, и неожиданно бодрящей. «Зубы» — наоборот, холодные, почти без минерализации. «Кишечник» напоминал обычную магазинную минералку. Вдоль ручьёв стояло множество деревянных поделок: самолёты, лебеди, мельницы — всё это крутилось и вертелось под напором воды.

На ближайших деревьях звенели металлические конструкции. Кто-то сделал колокольчики из труб, консервных банок и даже обрезков газовых баллонов.

Где-то висели китайские фонарики, принесённые сюда туристами. Все ручки стекались в один, и мы пошли вдоль него.

Чуть дальше стоял небольшой сруб, похожий на крошечное зимовьё. Внутри кто-то сидел и тихо разговаривал. Парни уже были там, обмазанные грязью. Стояли и ждали нас. Я не выдержала и рассмеялась:

— Это спа?

— Знаешь, какая кожа после этой грязи? — деловито ответила Вика.

Я с сомнением посмотрела на Иру, которая стояла по колено в мутной воде и с энтузиазмом намазывала на себя грязь. Вика тем временем спокойно разделась до купальника и спустилась в воду. Легла, закрыла глаза и улыбнулась. Полный кайф.

— А ты? — спросил Виктор.

Я поморщилась, продолжая наблюдать за Викторой.

— Что, столичной штучке не по зубам грязючка? — засмеялся Алтан.

Я бросила на него взгляд и с деловым видом начала раздеваться.

Что за предвзятое отношение к москвичам

Когда с одеждой было покончено, я аккуратно подошла к краю. Кто-то сзади присвистнул.

А ты думаешь, я зря из тренажёрки не вылезала? — усмехнулась я про себя.

Шаг. Ещё шаг. Вода оказалась прохладной, приятно обволакивающей кожу. Но ноги сразу провалились в мягкую, вязкую грязь.

— Тут ещё пиявки водятся, — со смехом добавил Алтан.

— Прекрати, — тут же сказала Вика. — Я тебя сейчас сама намажу.

Я хмыкнула.

— Не так страшен чёрт, как его малюют.

Грязевые спа-процедуры прошли на ура. Мы обмазались с ног до головы и, смеясь, делали десятки фотографий — каждая пыталась выглядеть максимально устрашающе, хотя получалось скорее комично. Через полчаса, когда грязь полностью высохла и превратила нас в серые, потрескавшиеся статуи, наша компания двинулась обратно к домику — смываться и уже по-настоящему расслабляться в минеральных ваннах.

Небольшое закрытое зимовьё оказалось оборудовано именно для этого. Внутри было тепло, пахло деревом и влажным камнем. Все по очереди смыли с себя грязь, переоделись в сухую одежду и, довольные, вышли наружу.

Следующими были источники вдоль горной реки.

— Почки, печень, мужское, женское здоровье, — комментировал Влад, будто проводил экскурсию.

Вторая линия отличалась температурой — вода здесь была заметно холоднее. В ванну, куда всё стекалось, никто так и не решился залезть.

— Предлагаю приготовить обед, сходить на водопад, а потом — в радон, — с воодушевлением сказал Влад.

Все поддержали.

На обед сварили борщ из походной смеси: сушёная картошка, капуста, морковь, плюс пару банок тушёнки. И это был лучший борщ в моей жизни. Как человек, привыкший к московским ресторанам, сейчас сидела на деревянной лавке с металлической миской в руках и понимала — ничего вкуснее не ела. После еды распределили обязанности: кто моет посуду, кто убирает, кто за водой. Парни натянули верёвки между деревьями — на них теперь сушились спальные и постиранная одежда.

Зимовьё решили не менять — места всем хватало, а лишний раз таскать вещи никому не хотелось. После обеда всех накрыла приятная ленивость. Ребята вынесли коврики к реке и просто лежали, греясь на солнце. Влад устроился рядом со мной.

— Много тут людей бывает? — спросила я, глядя на небо.

— Сейчас человек пятьдесят, — ответил он, лениво закинув руки за голову. — В июле-августе до пятисот доходит.

— Ого — я повернула к нему голову. — Серьёзно?

— Да. В основном пешком идут. Я вертолёт только один раз видел. Прилетел, выгрузил туристов и улетел. — И что, они тут остаются? — Пару дней максимум. Тут сервиса ноль. Обычно мажоры или китайцы.

Я усмехнулась.

— А домиков сколько?

— Около двадцати.

— Сколько?.. — от удивления я приподнялась на локтях.

— Первые зимовья буряты строили, — продолжил он. — Верили, что Шадан лечит. Жили тут всё лето. Потом геологи подтянулись, туристы

— Это же сколько времени строить — задумчиво сказала я.

— Если профи брались — за сезон могли штук семь-восемь поставить.

— Ничего себе

— Тут, кстати, баня есть, — как бы между прочим добавил Влад.

Я резко села.

— В смысле баня?

— Вниз по течению. Настоящая.

— А помыться можно? — в голосе прозвучала надежда.

— Конечно. Затопим — и будет тебе счастье.

— Почему ты раньше молчал?! — я рассмеялась и села в позу лотоса. — Так, что ещё тут есть?

— Рыбалка, например.

— Рыбалка?! — глаза загорелись. — Я обожаю! Папа меня с детства таскал.

— Хариус тут водится, — кивнул Влад. — Но ловят его не совсем как обычно. Покажу.

— Мне уже нравится, — улыбнулась ему. — Тут вообще столько всего.

— И это ты ещё не всё видела, — он посмотрел на меня чуть внимательнее. — Есть одно место ниже по течению. Священное. Говорят, желание там загадываешь — и оно сбывается.

— Далеко?

— Километров десять.

Я машинально посмотрела на свои ступни — слегка красные, ноющие после похода.

— Пойдём? — мягко предложил Влад. — Я тебя свожу.

Я улыбнулась, чуть смущённо:

— Пойдём. Только не завтра. Завтра я, кажется, не человек.

Он тихо засмеялся.

К шести часам вечера, взяв полотенца и сменное бельё, мы отправились к радоновым источникам. По пути снова прошли мимо первой линии, зачерпнули воды из ручьёв и напились.

Ребята подошли к первому мосту через реку. Расстояние между берегами было метров сто — может, чуть меньше, но всё равно внушительное. По широкой каменистой долине бежали сразу три потока Шадана, разбиваясь о валуны и с гулом сливаясь дальше вниз. Через каждый поток был перекинут мост — если это вообще можно было так назвать. Камни, наваленные в кучу, поверх — доски, местами сколоченные, местами просто прижатые и перетянутые проволокой. Сбоку — поручень, такой же условный. Конструкция выглядела сомнительно.

— Представляю, какие здесь очереди в сезон, — задумчиво сказала я.

— Большие, — кивнул Влад. — В третий мой поход дождь шёл несколько дней, уровень воды поднялся и смыл два последних моста.

— И что вы делали? — я даже остановилась.

— Сидели и с завистью смотрели на противоположный берег, — усмехнулся он. — Мы тогда жили в шестнадцатом зимовье, возле радона. Из развлечений — только ванны и глазной источник.

— Жесть

— Вода быстро поднимается, но если дождя нет — так же быстро уходит. Но двое суток мы были отрезаны.

— Такое точно запомнишь, — пробормотала я.

— Главное — компания, — добавил Влад и пропустил меня вперёд. — А еды в лесу всегда хватит.

Я осторожно ступила на доски. Под ногами бурлил поток, вода с грохотом билась о камни, и от одного взгляда вниз начинала кружиться голова. Я упрямо смотрела только под ноги — на треснувшие доски, на мокрые камни — и медленно шла вперёд. Первый мост прошла. Второй — уже увереннее. На третьем меня ждал Влад. Он подал руку. Я протянула ладонь, спрыгнула с камня но он не отпустил.

Мне стало немного неловко, но выдёргивать руку не стала. Так, держась, мы и поднялись на противоположный берег.

На небольшой поляне, окружённой водой, стоял тёмный, почти чёрный сруб. Изнутри доносились голоса — у входа уже сидели люди, ждали своей очереди.

— Это радон, — пояснила Вика.

Я прошла по узкому мостику через небольшое озерцо и остановилась у стены.

Доски были исписаны — имена, даты, короткие фразы. Я провела рукой по одной из них. 1967 год.

— Удивительно — тихо сказала я.

— Каждый, кто приходит, оставляет что-то, — раздался голос за спиной. — Кто пишет, кто выжигает, кто вырезает.

— Смотри, наша тоже есть, — Вика ткнула пальцем в небольшую дощечку.

2019 год. Список фамилий. Аккуратный выжженный узор.

— Мы следующие, — громко сказала она, когда дверь открылась и изнутри начали выходить люди.

— Саша, идём.

Внутри было тесно. По бокам — лавки, над ними гвозди для одежды. В центре — каменная ванна, максимум на трёх человек. Я разделась, осторожно опустила ногу в воду и замерла. Теплая, градусов 40. Я с тихим выдохом опустилась в воду и откинулась на камни, чувствуя, как напряжение буквально уходит из тела.

— Десять минут, — сказала Вика, переворачивая песочные часы.

— Всего? — удивилась Ира.

— Да. Радон.

Я медленно погрузилась почти по шею.

— Я слышала, в радоне выше уровня сердца нельзя, — заметила Ира.

— Может, в Чернобыле нельзя, — спокойно ответила Вика. — А тут всё природное. Люди годами сюда ходят.

Ира фыркнула, но всё равно расслабилась, опускаясь глубже.

Я краем глаза наблюдала за ними. Они с Сергеем держались отдельно — вроде с нами, но как будто сами по себе. И Вику это явно раздражало.

Вечером всех ждал сюрприз. Алтан вышел из зимовья с загадочной улыбкой.

К этому времени Влад уже разложил всем по тарелкам ужин — и окончательно стало понятно, что повар в группе именно он. И, судя по реакции остальных, повар отличный.

— Ну что, ребята, — широко улыбнулся Алтан. — У меня есть кое-что.

Он зашуршал рюкзаком и через секунду достал пластиковую бутылку с прозрачной жидкостью.

— Взял, что ли? — оживился Бахо.

— Конечно. Просто вчера забыл достать.

Я нахмурилась:

— Это водка?

— Обижаешь, — хмыкнул Алтан. — Спирт. Чистейший.

— Спирт?.. — переспросила я.

— Владик, сходи за холодным источником!

Через пару минут в кружке уже плескалась смесь — один к одному: вода из источника и спирт. Кружка пошла по кругу. Парни пили спокойно. Девчонки морщились, заедали, кашляли. Очередь дошла до меня. Я посмотрела в кружку.

Прозрачная жидкость и резкий запах, от которого сразу защипало в носу.

— Если не хочешь, не пей, — Влад наклонился ко мне почти вплотную.

— Что, дамочка, это вам не столичная «Шато-Мерло», — рассмеялся Алтан.

Я зло посмотрела на него и, не раздумывая, сделала большой глоток.

Горло обожгло так, что на секунду потемнело в глазах. Я резко вдохнула, закашлялась, слёзы сами выступили.

— Запей, — Влад уже протягивал кружку.

Я жадно сделала несколько глотков и тут же заела пловом.

— А твоя девушка легко ведётся на провокации, — заржал Алтан, толкнув Влада в бок.

Тот смутился, забрал кружку и что-то буркнул в ответ. Кружка пошла по второму кругу, потом по третьему. Голоса стали громче, смех — свободнее. Кто-то начал петь, кто-то подхватывал, перебивая друг друга историями. Атмосфера стала мягче, даже Ира с Викой нашли общий язык.

— Пошли, — тихо сказал Влад и взял меня за руку.

— Куда? — я уже была навеселе и только улыбнулась.

— Увидишь.

Мы прошли мимо тропы к источникам и вышли к реке. Два луча фонарей выхватывали из темноты мост, камни, струящуюся воду. Влад прошёл первым и, обернувшись, протянул мне руку. Я шагнула за ним. Когда мы спустились с первого моста, он вдруг остановился и выключил фонарь. Темнота накрыла мгновенно.

— Смотри, — тихо сказал он.

Я подняла голову. Луна. Огромная, белая, почти нереальная. Она висела над горами, а по чёрной воде тянулась серебряная дорожка, дрожащая от течения.

Звёзды их было столько, что казалось — небо стало глубже, чем должно быть.

Я медленно подняла руку, будто могла дотронуться, и провела по контуру Большой Медведицы.

И в этот момент где-то далеко, в разломе между горами, сверкнула молния. Небо вспыхнуло фиолетовым. Гром утонул в шуме реки.

— Влад это — я даже не смогла договорить. — Это нереально.

— Саш — его голос стал другим.

Я повернулась. Он стоял совсем близко, слишком близко. Его руки легли мне на талию — осторожно, будто он всё ещё не был уверен, можно ли. Луна осталась за его спиной.

— У тебя невероятные глаза, — почти шёпотом сказал он.

Я улыбнулась, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Спасибо

Я сама потянулась к нему — чуть приподнялась на носках. Его губы коснулись моих. Сначала — едва заметно. Осторожно. Как вопрос. Я не отстранилась.

И тогда он поцеловал меня снова — уже увереннее, но всё равно бережно, будто боялся спугнуть этот момент. У меня закружилась голова — от высоты, от алкоголя, от него. Я обняла его за шею, чувствуя под пальцами тёплую кожу, напряжение мышц, его дыхание рядом. Поцелуй стал глубже, теплее. В нём было всё — и робость, и желание, и какая-то странная, внезапная близость.

Вокруг шумела река. Где-то далеко снова вспыхнула молния. Небо было бесконечным. И в этот момент не было ни Москвы, ни расстояния, ни «потом».

Было только сейчас. И мне было очень хорошо.

Глава 4

Следующие дни слились для меня в одно длинное, тёплое лето. Солнце, шум реки, источники, смех. Мы ходили к водопадам, лежали на камнях, нагретых солнцем, пили минеральную воду прямо из ручьёв, спорили, кто из источников вкуснее, и бесконечно фотографировались. Ребята быстро стали «своими».

А Влад С Владом всё как-то само случилось. Без разговоров, без обещаний. Просто мы всё время оказывались рядом — то он звал меня куда-то «посмотреть», то я сама шла за ним. Мы гуляли вдвоём, смеялись, целовались где-то между тропами и рекой, и мне казалось, что это абсолютно правильно — вот так, легко и без будущего. Ребята, конечно, всё заметили.

— Ну что, молодожёны, на ужин придёте или сразу в зимовье? — не упускал случая подколоть Алтан.

— Отстань от них, — с притворной строгостью говорила Вика, но сама улыбалась.

Влад только отмахивался, но я видела — ему это даже нравилось. На третий день мы познакомились с ещё одной группой. Они выделялись сразу. Десять человек — почти все за пятьдесят, крепкие, подтянутые, будто время их обошло стороной. Камуфляж, короткие стрижки, чёткие движения. Говорили громко, уверенно, смеялись так, что их было слышно через всю поляну.

— Военные, — тихо сказала Вика.

Их лидера звали Юрий. Высокий, с седыми висками и внимательным взглядом. В нём чувствовалась привычка командовать — даже когда он просто стоял. Они оказались сослуживцами, уже в отставке. Каждый год выбирались куда-нибудь вместе, и в этот раз дошли до Шадана. С ними было интересно. Они рассказывали истории, от которых становилось то смешно, то не по себе. Шутили жёстко, но без злости. Быстро нашли общий язык с нашими парнями. Иногда вечером у костра собирались все вместе — наша группа и их. Шума становилось в два раза больше.

Первые дни погода баловала. Иногда накрапывал дождь, после которого воздух становился ещё чище. Никто не обращал внимания. Но на шестой день дождь начался по-другому. С утра небо затянуло тяжёлыми тучами. Сначала — мелкая морось, потом — плотнее, к обеду — уже ливень.

— Переждём, — спокойно сказал Влад.

В горах дождь — обычное дело. Но он не закончился. К вечеру вода в реке стала мутной. На следующий день — начала подниматься. На третий — она уже редела.

Когда мы пришли к мостам, я сначала не поняла, что не так. Мостов не было. Вместо них — бешеный, грязный поток. Вода несла ветки, корни, куски деревьев, камни. Всё это грохотало, сталкивалось, крутилось в мутной массе.

— Сель — тихо сказал кто-то.

Берега казались дальше, чем раньше. Или это просто страх так искажал расстояние.

— Всё, — коротко сказал Влад. — Нас отрезало.

Сначала никто не паниковал.

— Пара дней — и спадёт, — уверенно сказал Юрий.

Он говорил спокойно. Но дни шли, а дождь не прекращался. То усиливаясь, превращаясь в стену воды, то снова переходил в бесконечную морось. Небо висело низко, серое, тяжёлое. Река поднималась всё выше. Напряжение стало ощущаться. Сергей пытался поймать связь. Спутниковый телефон то показывал слабый сигнал, то полностью его терял.

— Чёрт — он в который раз смотрел на экран.

— У нас тоже самое, — сказал Юрий. — Оба молчат.

Это было уже странно. На пятый день дождя стало по-настоящему тревожно.

Вода подошла почти к краю берега. Гул реки не стихал ни на секунду.

— Если даже сейчас закончится, — сказал Влад, глядя на поток, — брод откроется дня через три-четыре. Не раньше.

Сергей и Ира перед походом зарегистрировались в МЧС.

— Если не вернёмся — нас начнут искать, — сказал он.

— В такую погоду вертолёт не полетит, — спокойно сказал Юрий.

И от его спокойствия стало только хуже.

Вечером он рассказал историю.

— В семидесятых тут уже было что-то похожее, — сказал он, глядя в огонь. — Долину затопило. Людям пришлось уходить в горы.

— Серьёзно? — спросил кто-то.

Он пожал плечами:

— Говорят.

— Это точно? — уточнил Влад.

— Не знаю, — честно ответил Юрий. — Но лучше быть готовыми ко всему.

После этого я спала плохо. Каждый раз просыпалась от шума воды. Слушала, как она бьётся о камни, как будто становится всё ближе. И впервые за всё время мне стало по-настоящему страшно.

В дверь постучали. На пороге стоял высокий, чуть полноватый мужчина в очках с бородой и камуфляжном дождевике.

— Здравствуйте, — почти хором сказали ребята. — Здорово, — басом ответил мужчина. — Там это

Он замялся, почесал бороду, явно не зная, как сказать.

— Юра всех собирает. Есть сообщение. — Какое? — спросил Влад. — Да там — он тяжело вздохнул. — На источники идите.

И вышел из зимовья спиной. Все переглянулись. Нехорошие мысли полезли в голову. Угрюмый мужчина своим видом только усилил тревогу. Мы спешно натянули куртки, дождевики и друг за другом пошли по скользкой тропе, усыпанной лужами. Собрание проходило на открытой поляне возле грязей.

Юрий, одетый в плотный брезентовый дождевик, стоял на лавочке. И без того высокий, он казался ещё выше — как скала среди людей. Я заметила женщину с заплаканными глазами, и сердце сразу ускорилося.

— Тихо! — громко выкрикнул Юрий.

Тишину нарушал только шорох хвои под дождём.

— Кто-нибудь смог дозвониться до земли?

Он обвёл глазами людей.

Я насчитала двадцать девять человек. Кто-то покачал головой, кто-то коротко бросил:

— Нет.

Юрий кивнул.

— У нас есть предположение, что началась война.

Толпа зашевелилась, загудела. Люди переглядывались, кто-то тихо ругался, кто-то просто молчал. Я инстинктивно вжалась в плечо Влада. Он крепко сжал мою руку.

— С чего вы так решили? — выкрикнули из толпы.

Юрий не повысил голос, но его было слышно всем:

— Мы не можем дозвониться до своих.

Он сделал паузу.

— Мой сын служит на закрытой военной базе в Читинской области. Последний разговор был шесть дней назад. Связь оборвалась на криках.

Кто-то тихо выругался.

— С тех пор — тишина. Ни один правительственный номер не доступен. Спутниковая связь нестабильна, сигнал пропадает.

Он обвёл взглядом небо, затянутое серыми тучами.

— И за всё это время я не видел ни одного самолёта. Ни одного следа.

Люди начали переговариваться громче. Юрий поднял руку — и снова стало тише.

— Вчера мы поднялись вверх по течению, насколько это возможно с нашей стороны. Дальше пройти нельзя — вода поднялась.

Он сделал акцент:

— Ни одного лагеря. Ни одной новой группы. Тропа пустая.

Пауза.

— Ещё вопросы есть?

— Что нам делать? — выкрикнула я.

Голос прозвучал резко и чётко. Ребята удивлённо посмотрели на меня. Когда было страшно, внутри включалось другое — холодное, собранное.

«Слёзы — друг страха. Когда тебе страшно — не плачь. Иначе не увидишь решение», — говорил отец.

Я редко испытывала настоящий панический страх, но сейчас был именно он.

— Нам надо решить сейчас, — жёстко сказал Юрий, перекрывая шум голосов. — Паника нам не поможет.

Он стоял прямо, руки за спиной, как на построении.

— Я не утверждаю, что это точно война. Но совокупность факторов — он сделал паузу, — слишком тревожная.

— Каких ещё факторов? — раздражённо бросил Бахо.

Юрий перевёл на него взгляд.

— Первое. Полное отсутствие связи. Не просто плохой сигнал — её нет. Спутник теряется, наземные линии не работают. Второе. За всё время — ни одного самолёта. Ни одного следа. Это ненормально. Третье. Нет новых групп. Туристы идут постоянно, даже в несезон. Сейчас — пусто. Четвёртое. — он чуть наклонился вперёд. — Я видел, как обрывается связь при боевых действиях. Это не похоже на поломку спутника.

На поляне стало тише.

— И что? — выкрикнул кто-то. — Сразу война?

— Вариант, — спокойно ответил Юрий. — И один из самых логичных.

— Да вы сейчас такую панику нагоняете! — вспыхнул Бахо. — Вы понимаете, что вы говорите? У меня семья там! Как теперь здесь сидеть с этой мыслью?!

— Я говорю то, что вижу, — жёстко отрезал Юрий.

— А вы не подумали, что это просто сбой? — Бахо уже почти кричал. — Что со спутником что-то?!

— Спутниковая связь не падает вся сразу, — спокойно, но холодно ответил Юрий. — Это не телевизор.

— А если это ядерная война, — вмешалась Вика, голос у неё был ровный, — мы бы уже что-то почувствовали? Взрывную волну, хотя бы?

Юрий посмотрел на неё внимательнее.

— Не обязательно, — ответил он. — Если удары точечные. Или если мы находимся вне зоны поражения.

— Да это смешно, — фыркнул Виктор. — Кого это остановит? Байкал ваш?

— Байкал — крупнейший источник пресной воды, — спокойно сказал Юрий. — В теории — стратегический ресурс.

— В теории, — передразнил Виктор. — В реальности всем плевать будет.

Он махнул рукой.

— Если бомбят — бомбят. Никто не будет думать про воду.

Юрий ничего не ответил, просто отвёл взгляд.

— Ты куда? — крикнула Вика, когда Виктор развернулся.

— Слушать этот бред? Спасибо, — бросил он и пошёл к зимовью.

— Юра, что ты предлагаешь? — спросила женщина из его группы.

— Ждать, — коротко ответил он. — Как только вода спадёт — выходим. Все вместе. Никто не отстаёт.

— Все вместе, — повторил Влад, кивнув.

Через час все сидели в зимовье, отогревались чаем. Дождь барабанил по крыше.

— Да он полоумный, — раздражённо говорил Виктор. — На Шадане всегда чудиков хватало. У кого духи, кто с деревьями обнимается, а у кого война началась. Конечно, что может быть у военного.

— Зря ты ушёл, — усмехнулась Вика. — Он дальше рассказывал, как суп из корешков варить.

— Кстати о голоде, — вставил Влад. — Продукты реально заканчиваются.

— Отлично, — фыркнула Вика. — Значит, будем корешки жрать.

Я молчала, потом подняла взгляд:

— А давайте представим, что он прав.

Все посмотрели на меня.

— Выходим мы в посёлок — а там военное положение. Паника. Может, эвакуация или мобилизация.

— И? — прищурился Виктор.

— Я бы осталась здесь.

Тишина.

— Серьёзно? — медленно переспросил он. — Ты сейчас это серьёзно сказала?

— Да.

— Ты вообще понимаешь, что говоришь? — подключился Бахо. — Здесь зиму пережить попробуй.

— Люди же ходят сюда зимой, вы сами говорили. На лыжах, через перевал.

— Ходят, — кивнул Виктор. — Подготовленные. Снаряга, опыт, еда. А ты?

Он сделал шаг ко мне.

— Ты костёр хоть раз сама разводила?

Стало очень обидно от этих слов.

— Нет, но—

— Но что? — перебил он. — Кто тебе жрать готовить будет? Влад?

Кто-то тихо хмыкнул.

— Ты думаешь, это как сейчас? Романтика? Природа? — он махнул рукой вокруг. — Сейчас у тебя шашлычки, супчики, компания. А потом?

— Я научусь, — тихо, но упрямо пробубнила в ответ.

— Научится она, — усмехнулся Бахо. — На чём? На пустом месте?

— Тут морозы минус сорок, — добавил Виктор. — Ты как жить будешь? В шлёпках своих?

— Хватит, — резко сказал Влад.

Все посмотрели на него.

— Она просто рассуждает.

— Нет, — покачал головой Виктор. — Она не рассуждает. Она не понимает, во что ввязывается.

— А вы, значит, всё понимаете?

— Да, — спокойно ответил он. — Потому что мы хотя бы примерно представляем, что такое выживание.

Влад посмотрел на меня, потом на ребят.

— Давайте без этого, — тихо сказал он. — Никто сейчас не знает, что правильно.

— Вот именно, — тихо сказала Вика. — Никто.

Глава 5

На шестнадцатый день пребывания на Шадане дождь наконец прекратился.

Сначала это даже никто не заметил. Просто в какой-то момент перестало капать по крыше, стихло монотонное шуршание по листве и в воздухе повисла непривычная тишина. Вода уходила медленно. Ещё несколько дней назад бурлящие потоки начали спадать, оголяя камни и остатки разрушенных мостов. Брод всё ещё оставался опасным, но уже не казался непреодолимым.

За эти дни все сильно изменились. Продукты почти закончились. Сначала ели как обычно, потом начали делить, потом — экономить. В ход пошло всё: остатки круп, супы, найденные в чужих зимовьях запасы. Никто не прятал — наоборот, делились. Туристы, ещё недавно незнакомые друг другу, теперь сидели у одного костра, передавали кружки, делили последние конфеты. Мы с девочками ходили в мокрый лес за ягодами, возвращались промокшие, с красными руками, но довольные. Варили кислые отвары, добавляли в каши, просто ели горстями. Непогода всех сплотила.

Когда вода достаточно спала, стало понятно — пора выходить. С той стороны тоже подтянулись люди. Те, кто застрял у радоновых источников, выглядели не лучше — уставшие, напряжённые. У них тоже не работала связь. Ни у кого. Ни один спутниковый телефон не смог дозвониться. Это уже не было совпадением.

Решили идти вместе.

Мы шли молча, каждый сам по себе, и это молчание давило сильнее любых слов. Я ловила себя на том, что стараюсь не смотреть на остальных. После всего, что было сказано точнее, как это было сказано, внутри осталось неприятное, липкое чувство. Не обида даже — хуже. Как будто меня поставили на место. Чётко, грубо, без лишних объяснений. Показали, кто я здесь на самом деле.

Глупая девочка, которая решила поиграть в выживание.

Я сжала губы и отвела взгляд в сторону тропы. Грязь чавкала под ногами, ботинки давно промокли, и каждый шаг отдавался тупой усталостью где-то в теле. Поход закончился. Вот так. Не вершинами, не красивыми видами, не тем ощущением, ради которого сюда едут. А этим — холодом, усталостью и чужим раздражением за спиной. И от этого было особенно паршиво.

Я поймала себя на том, что упрямо отгоняю любые мысли о том, что происходило вокруг. О странных разговорах, о тревоге, которая витала в воздухе последние дни. Нет. Не сейчас. Сейчас мне нужно было просто дойти.

Дойти до перевала. Спуститься. Вернуться. А дальше всё будет просто.

Я почти упрямо цеплялась за эту мысль, прокручивая её снова и снова, как будто от этого она становилась реальнее. Вот мы добираемся до посёлка. Я первым делом нахожу розетку или хотя бы машину, вытаскиваю зарядку, включаю телефон. Он оживает, и мир возвращается на место.

Сообщения. Пропущенные. Мысли невольно перетекли о Владе. Сейчас начнётся: «Останься. Ты всё равно уже здесь. Давай поговорим. Поехали ко мне».

Я тихо выдохнула. Нет. Я не хочу никуда ехать. Ни к нему, ни куда-либо ещё здесь. Я хочу домой. В Москву. В свою квартиру, в свою жизнь, где всё понятно и предсказуемо. Где максимум проблемы — это просроченные дедлайны, а не вот это всё.

Мысль о работе всплыла неожиданно и сразу неприятно кольнула. Отпуск ведь закончился. Уже давно. Я должна была выйти когда? Неделию назад? Больше? Я даже мысленно поморщилась. Отлично. Просто отлично.

И как я это буду объяснять? «Извините, я была в тайге без связи, потому что решила сходить в поход и немного потерялась во времени»? Замечательно звучит. Особенно если учесть, что связи не было не день и не два.

Я провела языком по пересохшим губам и упрямо сделала ещё шаг. Ничего разберусь. Сначала — выбраться отсюда, потом — зарядить телефон.

Потом — билеты. Самый ближайший рейс. Я поймала себя на том, что мысленно уже сижу в самолёте, прислонившись лбом к холодному иллюминатору и просто смотрю вниз, где остаётся всё это — тайга, дождь, грязь, этот странный поход.

И с каждой такой мыслью внутри становилось чуть легче. Как будто я уже почти выбралась. Как будто всё это уже позади.

Озеро в форме сердца мы прошли под вечер. То самое место, где ещё не так давно смеялись, лежали на траве и смотрели в небо. Теперь никто не остановился. Только быстрый взгляд — и дальше. Слишком многое изменилось.

Под перевалом раскинулся целый лагерь — десятки палаток, костры, люди. Все, кто смог выйти, собрались здесь. Решили идти вместе, одним большим потоком.

Ночью долго не могла уснуть. Опять слова ребят крутились в голове.

«Как ты здесь будешь жить?» «Что ты есть будешь?» «Ты вообще понимаешь, куда попала?»

Подъём на перевал снова оказался испытанием. Только теперь дело было не в физической усталости. Я шла, считая шаги. Десять — остановка. Ещё десять. Сердце колотилось, дыхание сбивалось. Но упрямо шла вперёд.

На этот раз никто не подшучивал. Влад тоже почти не говорил — только иногда оглядывался и тихо бросал:

— Давай ещё чуть-чуть.

Наверху никто не кричал. Не было восторга. Только короткие взгляды — и вниз.

Спуск прошёл быстрее. Все торопились. И чем ближе был посёлок, тем сильнее сжималось внутри.

В то, что Юрий прав, становилось всё легче поверить. За всё время пути мы не встретили ни одного человека. Ни одной группы. Связь по-прежнему не работала, хотя раньше в этих местах уже ловил обычный телефон.

Мы увидели их, когда вышли к посёлку. Сначала я даже не поняла, что не так. Люди просто люди. Стояли у домов, вдоль дороги между постройками. Слишком много и неподвижно,

но это не сразу бросилось в глаза. Я сделала ещё пару шагов, всматриваясь, и внутри медленно, неприятно что-то сжалось. Лица.

С ними было что-то не так. Скулы напряжены, будто сведены судорогой, выпуклый лоб, губы приоткрыты, из уголков тянулась вязкая слюна. Глаза — узкие щели, мутные, не фокусируются, будто они смотрят сквозь нас. Не на нас, а через нас. И ни одного движения.

— Это кто?.. — тихо, почти неслышно прошептала Вика рядом.

Никто не ответил. Мы просто стояли и смотрели друг на друга — мы на них, они куда-то в пустоту. И в следующую секунду один из них дёрнулся. Резко. Ненормально быстро, как будто его дёрнули за нитку. Он сорвался с места, и мир мгновенно рассыпался.

— Бежим! — кто-то закричал и этот крик будто разорвал воздух.

Всё смешалось. Люди кинулись в разные стороны, кто-то уронил рюкзак, кто-то закричал, кто-то просто побежал, не оглядываясь. Я стояла, не понимая, что происходит, пока не увидела. Он налетел на Виктора.

Не подбежал — именно налетел. Сбил с ног, как будто тот ничего не весил, и вцепился в лицо.

Крик

Я никогда не слышала такого крика. Он был не человеческий. Слишком резкий, слишком высокий, будто его вырывали изнутри. Алтан подскочил, схватил существо за плечи, попытался оттащить — и тут же отдёрнул руки, будто обжёгся, отшатнулся и, не оглядываясь, побежал. И в этот момент до меня дошло, это не люди.

Я даже не поняла, как меня выбило из этого ступора. Резкая пощёчина обожгла щеку. Я дёрнулась. Влад схватил меня за лицо, сжал так, что пришлось сфокусироваться.

— Ты меня слышишь? Поняла?! — почти закричал он.

Звук будто прорезал гул в голове. Мир дёрнулся, стал резче. Я моргнула.

— Беги до водопада. Быстро!

Он отпустил меня, а я я не сдвинулась. Стояла, как под гипнозом, не в силах отвести взгляд от Виктора. Существо уже не кусало. Оно рвало. Резко, жадно, с мерзкими, влажными звуками. Виктор дёргался, захлёбывался криком, руками пытался оттолкнуть, но это выглядело бесполезно.

Я машинально потянулась к рюкзаку. Пальцы сами нашли застёжки, начали дёргать их, но ничего не получалось. Пластик выскальзывал, руки дрожали.

Я подняла глаза — и замерла. Их было много, слишком много. Не один, не десять — десятки, может, сотня.

Они двигались странно. Рывками, с короткими остановками, будто кто-то невидимый дёргал их за нитки. Головы резко поворачивались, глаза цеплялись за движение, за бегущих. Они искали охотились.

— Саша!

Голос Влада будто ударил. Я вздрогнула, резко сдёрнула рюкзак с плеч, даже не думая, куда он упал, и развернувшись побежала.

Этого не может быть.

Это не фильм.

Так не бывает.

Мысли путались, дыхание сбивалось, сердце колотилось где-то в горле. Резкий удар в спину выбил всё. Я споткнулась, ноги заплелись, и я рухнула на четвереньки, ударившись лбом о землю. Воздух выбило из лёгких. Я закашлялась, обернулась и замерла.

Передо мной стоял мальчишка. Точнее то, что от него осталось. Жёлтая футболка, синие шорты, худой, почти прозрачный — и совершенно нечеловеческое лицо. Кожа натянута, скулы выпирают, глаза узкие, заплывшие, рот приоткрыт. Слюна с кровью тянулась вниз тонкой нитью. Он смотрел прямо на меня. Я медленно поднялась, выставив руки вперёд, как будто

это могло хоть как-то помочь. Сердце билось так, что я его слышала. Что-то пронеслось мимо головы и мальчишка дёрнулся. Ещё удар — точно в висок.

— Отойди от неё, сука! — заорал Влад, голос сорвался на хрип.

Существо резко развернулось. Я увидела вмятину на его виске, кровь и в этот момент внутри что-то щёлкнуло. Не страх. Инстинкт. Я шагнула к нему и со всей силы пнула пацана в поясницу. Тело подалось вперёд — прямо к Владу. И он сорвался. Удар. Ещё удар. Кулаки врезались в лицо с глухими, тяжёлыми звуками.

— Влад, бежим! — закричала я, вцепившись в его руки.

Он будто не слышал.

— Влад!

Он дёрнулся, словно очнулся, тяжело вдохнул и оттолкнул тело. И мы побежали не разбирая дороги и не оглядываясь.

Спустя время мы вышли к тому же месту, где когда-то ставили первую стоянку.

Я узнала его не сразу. Всё казалось чужим, как будто нас просто выдернули из одной жизни и бросили в другую, где даже знакомые места выглядели иначе.

Костёр разжигали долго. Руки дрожали, спички ломались, кто-то ругался вполголоса, кто-то срывался на шёпот, кто-то на крик. В итоге огонь всё-таки занялся — слабый, но настоящий. И мы, как животные, сбились вокруг него.

Я даже не сразу поняла, сколько нас осталось.

Потом кто-то тихо сказал:

— Одиннадцать

И стало как-то пусто. Никто не стал спрашивать про остальных. Никто не называл имён. Как будто если не произносить их вслух — можно сделать вид, что ничего не случилось. Я сидела, уставившись в огонь, и снова видела Виктора. Его лицо.

Крик. Звук этот отвратительный, влажный звук, когда его

Меня передёрнуло. Я резко вдохнула, но легче не стало. Меня трясло.

Ночью никто толком не спал. Мы лежали, сидели, вставали, снова садились — и всё время слушали. Любой шорох за пределами света костра заставлял вздрагивать. Кто-то вскакивал, хватался за палку, за камень, кто-то начинал нервно шептать: «Ты слышал? Ты слышал?»

— Там кто-то есть — Да нет никого — Я говорю, слышал!

Голоса наслаивались друг на друга, путались, кто-то начинал рассказывать, что видел, перебивая сам себя:

— У него глаза вы видели глаза? — Они не смотрят, они — Он его ел, вы понимаете? Он его жрал!

— Это бешенство это должно быть бешенство — Да какое, нахрен, бешенство?!

Кто-то тихо плакал. Кто-то матерился сквозь зубы. Кто-то повторял одно и то же, будто пытаясь убедить себя:

— Это не может быть не может

Огонь поддерживали всю ночь. Подбрасывали ветки почти лихорадочно, как будто этот слабый свет действительно мог нас защитить.

Утро пришло слишком быстро. И вместе с ним — решение.

— Надо возвращаться, — сказал кто-то. — За рюкзаками. Без них мы не выживем.

Никто не спорил. Мы шли обратно медленно, осторожно, словно в любую секунду из-за деревьев могло выскочить что-то такое же. Каждый держал в руках хоть что-то — палку, камень, у кого-то было криво выструганное копьё. Смешно, если бы не было так страшно. Каждый поворот тропы заставлял напрягаться.

Каждый звук — замирать. У водопада мы наткнулись на ещё одну группу.

Шестеро. Такие же, как мы. Грязные, вымотанные, с пустыми глазами.

Мы просто молча встали рядом. Никто не обрадовался, никто не заговорил первым — но от того, что нас стало больше, легче не стало. Мы прошли мимо того мальчишки. Жёлтая футболка, синие шорты. Он лежал там же, лицом вниз, в крови. Я даже не остановилась, просто отвела взгляд. И внутри не было ничего кроме ужаса.

На поляне нас встретили Юрий и ещё один мужчина из его группы. Они выглядели так же, как мы — будто за ночь постарели на несколько лет.

— Выжили — только и сказал Юрий.

Мы коротко кивнули друг другу, и почти сразу пошли дальше — к санаторию.

Там оказались ещё люди. Несколько человек, запершихся внутри ещё ночью. Они впустили нас не сразу — долго смотрели, проверяли, будто боялись, что мы уже не совсем люди. Когда дверь наконец закрылась за нами, на секунду стало легче.

А потом мы подошли к окнам. И всё снова рухнуло. Территория вокруг санатория была усеяна телами. Кто-то лежал неподвижно. Кто-то двигался.

Медленно, дёргано, как сломанные куклы. Они бродили между корпусами, останавливались, резко поворачивали головы, будто ловили звук.

— Господи — Это что — Они же они же были людьми..

Кто-то зажал рот рукой. Кто-то отвернулся.

— Я видел, как одного утащили — прошептал парень рядом со мной. — Это что? Зомбиапокалипсис?

— Они едят их, — перебил кто-то. — Я видел. Они едят.

— Это не люди уже, — резко сказал Юрий. — Запомните это.

И от его голоса стало только хуже. Мы сидели у окон почти до ночи, и разговоры не прекращались ни на секунду. Кто-то строил догадки, кто-то спорил, кто-то просто говорил, лишь бы не молчать.

— Может, это вирус — Тогда почему так быстро? — Почему связь не работает? — Где военные? Где вообще хоть кто-нибудь?!

Ответов не было. Только страх. И ощущение, что привычный мир просто исчез.

Вторую ночь я провела в санатории. Здесь было теплее, чем в лесу, и, наверное, безопаснее. Стены хоть как-то отделяли нас от того, что происходило снаружи. Окна заколотили мебелью, двери подперли всем, чем смогли. Внутри пахло сыростью, старым деревом и чужим страхом. Но легче от этого не становилось.

Я лежала, укрывшись спальником, и смотрела в потолок, едва различимый в полумраке. Рядом кто-то тихо ворочался, кто-то шептался, кто-то, наоборот, замолкал на полуслове, будто боялся, что его услышат. Было тепло, относительно безопасно, а внутри — пусто. Так странно, будто всё, что было до этого, осталось где-то очень далеко. Не вчера, не позавчера — в другой жизни. Там, где были нормальные разговоры, планы, обиды, какие-то глупые переживания. Там, где всё ещё имело смысл.

Я закрыла глаза, но сон не приходил. Сначала было тихо. Настолько тихо, что казалось — вот сейчас, если задержать дыхание, можно услышать, как кто-то думает. А потом это началось. Сначала один звук. Далёкий, протяжный. Я даже не сразу поняла, что это. Будто кто-то закричал но не по-человечески. Слишком ровно, слишком глухо, как будто голос проходил через что-то. Я открыла глаза.

Кто-то рядом резко сел. — Ты слышал?.. — прошептали в темноте.

Ответа не было. Потом второй звук. Уже ближе. И ещё один. Они не кричали в привычном смысле. Это было иначе. Рваные, тянущиеся звуки, иногда срывающиеся на хрип, иногда — на какой-то странный вой. И самое жуткое — они будто отвечали друг другу. Где-то далеко. Потом ближе. Потом снова далеко. Я медленно приподнялась на локтях, вслушиваясь.

Снаружи кто-то ходил. Нет не просто ходил. Их было много. Шорохи, неровные шаги, скрипы — будто по двору бродили сразу десятки. Иногда кто-то задевал что-то — и раздавался резкий звук, от которого внутри всё сжималось.

— Они рядом, — тихо сказал кто-то.

Никто не ответил. Мы просто слушали. И в какой-то момент стало ясно — это не случайность. Это не отдельные твари, забредшие сюда. Они были здесь, вокруг. И их много.

Один из криков раздался совсем близко — так, что у меня по спине пробежал холод. Он был длинный, тянущийся, и в нём не было ничего человеческого. Ни боли, ни страха — только что-то пустое, чужое. Я сжала край одеяла, не замечая, как напряглись пальцы. Кто-то тихо выругался. Кто-то начал шептать молитву. Кто-то, наоборот, нервно зашептал: — Они слышат тихо, тихо

Я поймала себя на мысли, что боюсь даже дышать громче. Сон в ту ночь так и не пришёл. Мы просто лежали и слушали, как за стенами санатория ходит то, что ещё недавно было людьми. И где-то под утро, когда эти звуки стали чуть реже, чуть дальше, в голове наконец сложилась простая и очень ясная мысль:

мы здесь не останемся.

Утром Юрий сказал, что нужно возвращаться на Шадан. Сказал спокойно, без лишних слов, но в его голосе было что-то такое, что сразу обрубало любые возможные возражения. Он уже всё для себя решил. И, кажется, не только он.

Мы и так понимали — оставаться здесь нельзя. Санаторий давал иллюзию безопасности: стены, крыша, какие-то запасы, возможность укрыться. Но после ночи, после этих звуков за окнами, после понимания, сколько их там это место перестало казаться убежищем. Скорее ловушкой.

Юрий прошёлся по корпусам ещё на рассвете. Нашёл столовую, кухню, какие-то хозяйственные помещения. Вернулся с коротким, чётким планом — без паники, без лишних обсуждений. Нам нужны были продукты. В зимовьях на Шадане почти ничего не осталось. Если мы собирались пережить хотя бы ближайшие дни, не говоря уже о неделях, нужно было брать всё, что можно унести.

— Берём только необходимое, — сказал он. — Быстро. Без лишнего шума. Далеко не расходимся. Никто не спорил. Первый выход был самым страшным.

Мы шли почти на цыпочках, будто это могло что-то изменить. Двери открывали медленно, задерживая дыхание. Каждый шорох казался слишком громким. Каждый шаг — ошибкой. В столовой пахло затхлостью и чем-то кислым. На полу валялись перевернутые стулья, посуда, остатки еды. Где-то капала вода — этот звук казался почти оглушительным в тишине. Мы работали молча, но не потому, что не хотели говорить. Просто слова застревали где-то внутри. Кто-то открывал шкафы, кто-то сгребал в рюкзаки крупы, консервы, соль, сахар — всё подряд. Руки дрожали, пальцы не слушались, пакеты рвались, но никто не останавливался.

Иногда кто-то резко оборачивался — просто потому что показалось.

Показалось движение, звук, показалось дыхание за спиной. Каждый раз сердце останавливалось. Мы возвращались быстро. Почти бегом. И всё равно этого было мало. Поэтому шли снова. И ещё раз. И ещё. Каждый такой выход был как игра в рулетку — повезёт или нет. Услышат или нет. Успеем или нет. Но выбора у нас не было.

На следующий день нас стало больше. Кто-то приходил сам — такие же, как мы, потёртые, с пустыми глазами. Кто-то находился в корпусах, в комнатах, в подвалах — живые, но уже на грани. У каждого была своя история, но в какой-то момент они все сливались в одну. Никто до конца не понимал, что произошло.

Связи и интернета не было. Телефоны — бесполезный кусок пластика. Иногда кто-то пытался строить догадки.

— Это не только здесь — тихо сказал однажды мужчина из другой группы. — Если бы это было локально, уже бы кто-то пришёл. Ему не ответили. Потому что все и так это понимали. Через четыре дня нас стало тридцать семь. Разные люди. Разные жизни до этого. И один общий страх. К этому моменту решение уже не требовало обсуждений. Мы просто собрались и вышли обратно в горы. Туда, где уже были. Туда, где хотя бы знали, как выживать.

Когда мы уходили, кто-то тихо, почти шёпотом, сказал:

— Если мы до сих пор живы, значит нас горные духи берегут

Раньше я бы, наверное, усмехнулась. Но в тот момент хотелось верить, что это правда.

Глава 6

— Вернулись! — врываясь в зимовьё крикнула Вика.

— Наконец-то! — я обрадовалась и, наспех натягивая ботинки, выскочила из домика.

Пробежав несколько метров, мёртвой хваткой вцепилась во Влада. Мокрый, уставший, но живой. Парень улыбнулся, уткнулся мне в шею и нежно поцеловал, щекоча отросшей бородой.

— Я так волновалась

Я взяла его лицо в ладони, поднялась на носочки и впиалась в его губы. Сильные руки крепко прижали к себе и сердце тут же сорвалось в бешеный ритм.

— Вы ещё одежду друг другу снимите, — пробурчал Бахо сбоку.

— А ты не завидуй, — буркнул Влад, не отрываясь. — Хотя идея мне нравится

— Я только за — тихо прошептала в ответ.

— В столовую, голубки! — громко раздалось за спиной. — Саша, затопи баню! — я резко обернулась.

— Юра, хватит командовать!

— Исполнять, — с широкой улыбкой ответил мужчина.

Я закатила глаза, но, повернувшись к Владу, всё же коротко поцеловала его ещё раз.

Я была влюблена. И, наверное, впервые за долгое время — по-настоящему счастлива. Рядом с ним во мне как будто что-то смягчилось. Я стала тише, внимательнее, нежнее. Мне хотелось быть рядом, помогать, касаться, просто чувствовать, что он здесь. Наш роман закончился после той самой ночи, когда ещё никто не знал, что происходит в мире. Тогда мне казалось — я готова бросить всё и переехать к нему. Переехала. Иногда я ловила себя на этой мысли и невольно усмехалась. Только вот совсем не так, как представляла.

К тому, что мы отрезаны от цивилизации, я со временем начала относиться странно спокойно. Не сразу, конечно. Сначала был страх. Потом растерянность. Потом усталость. А потом всё как будто упростилось. Иногда я вспоминала, как меня тянуло в эту поездку. Почти навязчиво. Будто кто-то за руку вёл. И я всё чаще думала — а вдруг это и была моя судьба? Потому что там, в Москве, я могла сейчас быть одна. В пустой квартире. Или Я не заканчивала эту мысль.

А может, наоборот — там сейчас есть свет, отопление, горячая вода, чистые простыни и душ. Этого мне иногда не хватало. Очень. Но я старалась об этом не думать.

Самое большое — восьмое — зимовьё, стоявшее за источниками, переделали под общую столовую. В центре мужчины сколотили длинный стол из старых нар. Справа от входа, как и в остальных домиках, стояла печка-буржуйка, обложенная камнями. По стенам висели мешки с едой. У окна — стол для готовки, самодельная мойка, шкаф с посудой и большая аптечка. Полы застелили досками, чтобы не ходить по голой земле. Вокруг стола собрались все — тридцать семь человек.

Вернувшиеся мужчины по очереди выкладывали на стол содержимое рюкзаков: продукты, лекарства, вещи, всё, что удалось добыть.

— В этот раз удачно сходили, — довольно отозвался Алексей.

Юрий снял со спины огромный рюкзак, расстегнул вытянутый чехол и откинул крышку. На столе легли два охотничьих ружья. По комнате прокатился тихий гул.

Это вселяло хоть какую-то надежду.

— Где нашли? — спросила Саша, осторожно проведя рукой по потёртому стволу.

— В подсобке охраны, — ответил Алексей, выкладывая патроны.

— Уродов много?

— Достаточно.

— А люди?

— Ни одного, — серьёзно сказал он.

Тишина на секунду повисла в воздухе.

— До снега надо успеть сделать ещё вылазку, — добавил Юрий. — Сегодня на перевале уже дождь со снегом шёл.

Рюкзаки продолжали опустошаться.

Считали почти вслух:

девяносто кусков мыла, много риса, гречки, макарон, лекарства, десять пачек соли, специи, крупы, шесть упаковок джема, полный рюкзак муки и два рюкзака с банками консервов и тушенки. Ватные штаны — четыре пары, четыре бушлата, две пары валенок, простыни, полный рюкзак туалетной бумаги, конфеты, батончики, много чая.

— Свечей не нашли. И тёплых вещей мало, — подытожил Алексей. — В санатории больше делать нечего. Там безопаснее, но кроме еды — пусто. В дома пойдёте?

— По-другому нельзя, — ответил Юрий.

Алексей посмотрел на меня и усмехнулся:

— С зимними вещами только ты у нас подготовилась. Как знала.

Он был прав. Те ненавистные лишние килограммы — горнолыжная куртка, шерстяные носки, тёплые гамаши — которые хотела выбросить на подъёме, теперь могли спасти жизнь.

Вторая вылазка в посёлок была уже другой. Если в первый раз мужчины тащили всё подряд — крупы, консервы, муку, — то теперь работали по списку. Чётко и холодно. Юрий руководил, как на операции. Без его указаний мы плохо бы справлялись. И, как ни странно, именно это держало всех. Человек, который полжизни провёл в полевых условиях и закрытых военных частях, знал, как выжить.

Жизнь в лагере постепенно выстроилась в ритм. Сначала это было скорее попыткой не развалиться — занять себя хоть чем-то, чтобы не думать лишнего. Но день за днём этот ритм закреплялся, становился привычным, почти естественным. Как будто, если всё делать правильно и вовремя, можно удержать мир от окончательного развала.

Мы вставали на рассвете. Дежурные поднимались раньше. Я пару раз попадала в их число и до сих пор помню это ощущение — когда выходишь на улицу, а вокруг ещё тишина, только воздух холодный и чистый, и дыхание сразу становится видимым. В зимовье было тепло, но огонь всё равно приходилось разводить иногда. Дрова лежали под навесом и были сухими, но после ночной сырости разгорались не сразу. Приходилось долго возиться: щепки, бумага, осторожный огонь, который сначала только тлел, потом вдруг цеплялся и начинал жить своей жизнью. Кто-то тихо ругался, кто-то смеялся вполголоса, кто-то просто сидел рядом и грел руки, пока пламя набирало силу.

К завтраку подтягивались остальные. Еда была простой — каша, чаще всего гречка или рис. Иногда удавалось добавить ягоды, иногда — немного сахара. Ничего особенного, но горячая миска в руках и кружка чая вдруг становились чем-то очень важным. Чем-то, что говорило: всё ещё нормально, всё ещё можно жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.